

ФРИДРИХ НЕЗНАНСКИЙ

ИЗ
ДНЕВНИКА
ТУРЕЦКОГО

КТО БУДЕТ
ПРЕЗИДЕНТОМ,
ИЛИ
ДОСТОЙНЫЙ
ПРЕЕМНИК

Из дневника Турецкого

Фридрих Незнанский

**Кто будет президентом,
или Достойный преемник**

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Кто будет президентом, или Достойный преемник /
Ф. Е. Незнанский — «Автор», — (Из дневника Турецкого)

В Интернете появляются статьи, порочащие имя кандидата в Президенты одной из российских республик Виктора Мохова. Одновременно Мохов получает по почте конверт с компрометирующими его фотографиями. Кандидат обращается за помощью в агентство «Глория». Приехавший в город Александр Борисович Турецкий становится свидетелем и участником таинственных и страшных событий. Люди, с которыми он встречается, гибнут при странных обстоятельствах. Смертельная опасность угрожает и самому Турецкому, но он твердо намерен довести дело до конца. Бывший важняк идет «напролом», не слишком заботясь о последствиях...

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
1	5
2	10
3	15
4	20
5	22
6	25
7	30
8	32
9	34
10	36
11	39
12	41
13	44
14	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Фридрих Евсеевич Незнанский

Кто будет президентом, или Достойный преемник

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ПОРАЗИТЬ НАСМЕРТЬ

1

Хозяин шел по коридору офиса. Походка его была неторопливой, но твердой, как у капитана дальнего плавания, сошедшего на берег в давным-давно знакомом порту и не ожидающего от местности никаких сюрпризов.

Глаза Хозяина глядели слегка исподлобья, однако он не забывал едва заметно кивать на каждое приветствие и жать изредка протягиваемые ему влажные от волнения руки.

- Добрый день, Виктор Олегович!
- Как съездили, Виктор Олегович?
- Как Москва?
- Нашли поддержку?

На все вопросы он отвечал короткими дежурными фразами – «да», «нет», «нормально», да иных от него и не ждали. Он шел по коридору, а офисные работники на мгновение задерживались у своих дверей, чтобы взглянуть ему вслед – на его широкую спину, обтянутую темно-серой шерстяной тканью костюма, на спину, широта и основательность которой говорила о том, что Хозяин крепко стоит на ногах и не собирается сдаваться, даже если против него ополчится весь мир.

Он подошел к приемной и широким жестом распахнул дверь.

Секретарша Татьяна, сидевшая за широким столом, уставленным оргтехникой, повернула голову и приветливо улыбнулась.

- Здравствуйте, Виктор Олегович!
- Привет, Танюша, – доброжелательно ответил он.

Некоторые его знакомые – такие же кабинетные начальники, как он, – приходили в ярость, если секретарши при их появлении не вскакивали с места и не бежали им навстречу с предупредительной улыбкой, готовые угодить в чем угодно – в любой мелочи, если на то будет желание босса.

Виктор Олегович Мохов был не такой. Виктор Олегович считал себя демократом и давным-давно убедил себя в том, что ему неприятны любые лизоблюдские поползновения подчиненных. Так ли это было на самом деле? Кто знает.

Мохов плотно прикрыл за собой дверь, подошел к секретарше и наклонился, растягивая большие, твердо очерченные губы в улыбку.

Густые, выющиеся каштановые волосы женщины были зачесаны назад. На аккуратном носике поблескивали очки в тонкой золотой оправе.

- Знаешь, лапа... – начал было Мохов, но тут в дверь приемной стукнули.
- Можно? – раздался вслед за тем глуховатый и негромкий голос.

Виктор Олегович резко выпрямился и оглянулся на дверь. Там стоял высокий, молодой мужчина лет тридцати пяти с желтым восточным лицом и слегка раскосыми, как у татарина, глазами.

– А, явился не запыхавшись, – беззлобно и даже добродушно отреагировал на его появление Мохов. – Входи, раз пришел, не торчи в дверях.

Молодой человек вошел в приемную, улыбнулся и мимолетно подмигнул Татьяне. Ответной улыбки с ее стороны не последовало, и вошедший вновь напустил на себя деловито-серьезный вид.

– Топай в кабинет, – приказал ему Хозяин, – а я за тобой.

Молодой человек, ни слова не говоря, прошествовал к кабинету.

– И дверь за собой прикрой! – крикнул ему вслед Мохов.

Молодой человек выполнил распоряжение Хозяина, и Мохов с Татьяной снова остались одни. Виктор Олегович снова нагнулся к секретарше и попытался поцеловать ее в губы, но она игриво уклонилась.

– Дверь открыта, – со смехом сказала Татьяна. – Нас могут увидеть.

– Плевать, – ответил Мохов. – Это мой кабинет, и я здесь хозяин.

– Ошибаетесь, Виктор Олегович, – таким же игривым тоном, как и прежде, сказала Татьяна. – Это моя приемная, и я здесь хозяйка.

– Пусть так, – согласился Мохов. – Один поцелуй, и я покину твою территорию, покорный, как комнатный щенок.

– Ну, хорошо. Только один.

Виктор Олегович протянул губы и на этот раз не получил отпора.

– Ты моя радость, – прошептал он, ласково глядя на секретаршу. – Я соскучился.

– Я тоже, – ответила она, останавливая его легким жестом и взглядом. – Кстати, если вы забыли, вас дожидается Долгов в кабинете. Может, побеседуете с ним? Он сегодня уже пять раз заходил – все вас ожидал увидеть. Вы что, запретили ему вам звонить?

– Вовсе нет. Он сам не любит меня тревожить попусту.

– Ценный кадр, – усмехнулась Татьяна.

– Не то слово.

Мохов выпрямился, слегка поморщившись от хрустнувшего в спине позвонка, подмигнул Татьяне (почти с тем же выражением, что и давеча желтолицый помощник Долгов) и зашагал к кабинету. На ходу лицо его стало изменяться, словно его обрабатывали в «Фотошопе»: под глазами Хозяина снова появились мешки, щеки слегка обвисли, взгляд стал усталым – пока Хозяин дошел до кабинета, он постарел лет на пять.

* * *

Стоило Мохову войти в кабинет, как Долгов тут же вскочил с кресла. Виктор Олегович сделал небрежный жест рукой:

– Садись, садись. Чего скачешь, как макака.

Долгов вернулся в кресло, но сидел на нем теперь так, словно готов был в любой момент вскочить и броситься выполнять указание Хозяина.

Мохов неторопливо подошел к столу. Прежде чем сесть, он постоял немного у окна, глядя на зеленые кроны деревьев сквера, важно покачивающиеся на ветру. Все это время Долгов сидел в выжидательной позе и не сводил глаза с массивного затылка Хозяина. Наконец Мохов отвернулся от окна и, скрипнув кожаной обивкой, втиснул крепкий, широкий зад в кресло у стола.

– Ну, как? – заговорил Долгов, пожирая Хозяина черными, алчными глазами. – Поездка удалась?

– Можно сказать, что да, – задумчиво ответил Мохов. Одна его рука лежала на подлокотнике кресла, другая – на столе. Толстые пальцы небрежно постукивали по полированной столешнице из красного дерева. – Хотя... сам знаешь, Андрей, тут ничего нельзя сказать наверняка, – добавил Мохов, с едва заметной усмешкой глядя на помощника.

«Из кожи вон вылезет, чтобы доказать мне свою преданность, – не без удовольствия подумал он. – Ушлый парень. Люблю таких».

Андрей Долгов растянул тонкие губы в улыбку, парадоксальным образом совместив в этой гримасе вежливость, чувство собственного достоинства и подобострастное внимание.

– Я видел вас по телевизору, – негромко сказал он. – Держались вы молодцом.

– Ну, – улыбнулся Мохов, – что-то, а хорошо держаться я умею. Хорошая мина при плохой игре – это про меня. Хотя, должен признать, тут игра была довольно успешной. – Мохов сдвинул густые брови. – Схватка предстоит жестокая, Андрей, – серьезно сказал он. – Мы не должны думать, что победа у нас в кармане. Нельзя расслабляться.

– Да, да, Виктор Олегович, вы правы. – Андрей почесал ногтем большого пальца кончик носа, прикрывая мелькнувшую на губах лукавую усмешку. – Но, полагаю, теперь-то мы можем пустить плакат в тираж?

– Плакат? Какой плакат? – спросил Мохов, хотя прекрасно понимал, о каком плакате идет речь.

«И отчего это все политики так любят пококетничать?» – пронеслось в голове у Долгова. Впрочем, он относился к слабостям Хозяина вполне лояльно. В некотором смысле они его даже умиляли.

Речь шла о плакате, на котором Виктор Олегович был изображен рядом с Президентом России. Президент смотрел Мохову в глаза и крепко пожимал ему руку.

«Я на тебя надеюсь», – гласила подпись внизу.

– Я говорю про имиджевый плакат, – напомнил Андрей.

Мохов вскинул брови:

– Имиджевый?

«Ну, это уже слишком», – подумал Андрей.

– А-а-а, – наконец-то «созрел» Мохов. – Ты о том плакате, на котором я с Президентом?

– О нем-с, – шутливо кивнул Долгов (в общении с боссом он любил изредка привешивать к словам это иронично-архаичное «с»). – Мы можем отдавать его в тираж?

– Гм... – Мохов задумчиво почесал пальцем подбородок. – Даже не знаю... Не рано ли?

– Самое время, – сказал Андрей.

– Что ж... – Мохов еще немного поломался и наконец кивнул: – Распорядись, пожалуй.

Долгов тут же подскочил с кресла.

– Постой, – остановил его Виктор Олегович, задумчиво шевеля бровями.

Долгов замер с папкой под мышкой, всей своей сухопарой, но жилистой фигурой изображая готовность.

– Я, брат, тут подумал... помнишь, ты мне говорил про «черные» листовки?

– Как не помнить, – с благодушной улыбкой отреагировал Долгов.

– Так вот, нам бы этого не надо... Вокруг и так полно грязи. – Мохов сверлил помощника глазами. – Как считаешь, я прав?

– Конечно, правы, Виктор Олегович. На данном этапе не стоит прибегать к «запрещенным приемам». Но можно оставить их на потом... так сказать, в качестве резерва.

– Что значит «оставить»? – сдвинул брови и подбавил холодка в голос Мохов.

– Ну, не уничтожать дизайнерские наработки, – объяснил Долгов. – Все-таки люди старались – придумывали, писали, рисовали, нанимали людей... За этим стоит труд целого коллектива.

– Коллектив получает за это большие деньги, – отрезал Виктор Олегович.

– Вы правы, – мгновенно согласился Долгов. – Мы просто отложим все эти наработки... Э-э-э... Так сказать, сдадим их в архив.

Мохов посмотрел на помощника и брезгливо поморщился. Отчего-то в эту минуту внешность Долгова показалась ему особенно нерусской и неприятной.

– Никаких архивов, – сердито сказал он. – Мы ведем честную борьбу. И мы победим. Потому что на нашей стороне – правда. Все понял?

– Так точно-с, – старомодно шаркнул ножкой Долгов. – Признаться, мне и самому не по душе вся эта грязь. Такой человек, как вы, должен воевать с открытым забралом.

Слова про «открытое забрало» явно пришлись Хозяину по душе. Он снисходительно усмехнулся:

– Молодец, понял. Я всегда знал, что ты смысленный малый, Андрюша.

– Под вашим чутким руководством и набитый дурак станет смысленным малым, – шутливо польстил Хозяину Долгов. – Я могу идти?

– Ступай, – кивнул Виктор Олегович.

Долгов сжал папку под мышкой, кивнул и вышел из кабинета своей резвой, слегка подпрыгивающей походкой.

В приемной он остановился у стола, за которым сидела секретарша, криво усмехнулся, отчего в его желтом лице появилось что-то хитро-звериное, и тихо сказал, впери в лицо девушки небольшие черные глаза:

– Ты не передумала?

– Нет, – ответила Татьяна холодно, но так же негромко, как и он. – И не передумаю.

– Может, да, а может, нет, – заметил на это Долгов, щури блестящие глаза. – Может, встретимся сегодня после работы в баре и поговорим об этом?

– Не думаю, что это хорошая идея, – сказала Татьяна.

– А мне она кажется вовсе даже неплохой, – весело возразил Долгов.

Девушка на это никак не отреагировала.

– Мне всегда нравилась твоя твердость, – заявил вдруг Долгов. – Именно поэтому я выбрал тебя. Беспринципных сучек вокруг много, а настоящих женщин... – Он слегка прищурил глаза и удрученно покачал головой, давая понять, что относит Татьяну к особому роду женщин, которых он, несмотря на весь свой западный цинизм и всю свою восточную презрительность к слабому полу, готов уважать.

– Я это ценю, – слегка насмешливо сказала Татьяна.

– Значит, сегодня в баре, в семь часов вечера, – твердо, но мягко сказал Долгов. – Буду тебя ждать и не уйду, пока ты не придешь.

Татьяна окинула его насмешливым взглядом:

– Ты так уверен, что я приду?

– А как же? – улыбнулся Долгов.

Во взгляде девушки появилась неуверенность.

– Но семь часов – это слишком рано, – сказала она, покусывая нижнюю губу. – Хозяин...

– Сегодня он поедет домой раньше обычного, – не дал ей договорить Долгов. – Он очень устал. Поездки в Москву сильно его выматывают.

– Но ведь эта поездка оправдала все его надежды, – с легким недоумением возразила Татьяна.

Долгов пожал острыми плечами:

– Все равно. Он смертельно устал, хоть и скрывает это. Тем более в верхнем ящике его стола лежит новая бутылка «бифитера». – Долгов дернул губой. – А ты лучше меня знаешь, что, пропустив под вечер стаканчик джина, он, как верная собака, приползает домой.

Зрачки девушки сузились.

– Что-то ты сегодня разговорчив. Что, если он тебя услышит?

– И что с того? Я его самый верный человек. Единственный, на кого он может положиться, как на самого себя.

– Похоже, ты гордишься этим, Долгов? – с насмешливым вызовом произнесла Татьяна. Он небрежно дернул плечом:

– Приятно знать, что для кого-то ты незаменим. – Долгов глянул на часы. – Ладно, мне нужно бежать. Не забудь: в баре, в семь часов вечера. Опоздаешь больше чем на двадцать минут, я буду сильно недоволен. Адъес!

Долгов помахал рукой на итальянский манер, так, словно в ней была шляпа, и вышел из приемной.

После его ухода Татьяна с минуту сидела в глубокой задумчивости. На ее тонком лице отразилась сложная гамма чувств – от печали до скрытого испуга. Потом тряхнула волосами, словно приходя в себя, и протянула руку к телефону.

2

Хозяин снял пиджак и бросил его на спинку стула. Затем сел в кресло, сбросил туфли и блаженно откинулся на спинку кресла, вытянув гудящие ноги. Протянув руку, он достал из деревянного хьюмидора толстую сигару, откусил кончик, швырнул его в пепельницу, затем сунул сигару в рот и раскурил ее от длинной спички.

Кабинет наполнился едким запахом сигарного дыма.

Виктор Олегович немного покурил, щури глаза и разглядывая замысловатые клубы сизого дыма, затем, словно вспомнив о чем-то, нажал на кнопку коммутатора.

– Таня?

– Да, Виктор Олегович, – раздался из динамика звонкий голос секретарши.

Мохов представил себе рот девушки, ее полные губы, ямочку над верхней губой и улыбнулся:

– Зайди ко мне, пожалуйста.

– Хорошо, Виктор Олегович. Кофе занести?

– Кофе? – Мохов на секунду задумался, затем качнул головой: – Нет, не надо. Свеженькой минералки бы.

– Хорошо, Виктор Олегович, я принесу.

«Единственная девушка в моей жизни, которая всегда говорит „да“, – подумал Мохов и улыбнулся в предвкушении приятного отдыха.

Когда через минуту Татьяна вошла в кабинет, Хозяин был уже обут. В его толстых пальцах по-прежнему дымилась сигара.

– Опять вы курите, – с упреком сказала девушка, поставив на стол хрустальный графин с холодной минеральной водой.

– Сигары не приносят вреда, – сказал Мохов, разглядывая крепкое бедро секретарши. – Не веришь – спроси у моего врача.

– Ваш врач говорит вам только то, что вы хотите услышать.

– И правильно делает. Иначе на кой черт он мне сдался, – пошутил Виктор Олегович. – Впрочем, мне приятно, что ты за меня волнуешься.

Мохов протянул девушке руку, а другой похлопал себя по коленке. Татьяна проследила за его рукой и насмешливо приподняла тонкую бровь:

– Вы уверены?

– Еще как, – пробасил Мохов.

– Что ж...

Татьяна усмехнулась и села Хозяину на колени.

– Лапа моя... – нежно проговорил он. – Всегда такая аппетитная...

Он провел широкой ладонью по гладкому бедру девушки. Затем наклонился и поцеловал белую нежную коленку.

– Самые красивые ноги на планете, – с нежностью в голосе проговорил Мохов.

– Да ну?

Татьяна обвила шею босса руками и потерлась нежной щечкой о плохо выбритую щеку Мохова.

– Ох, Виктор Олегович, вы такой колючий.

– Прости, золотце. Не успел побриться.

Виктор Олегович попытался поймать губами ее губы, но Татьяна со смехом отстранилась. Она легонько стукнула босса пальцем по кончику носа и весело сказала:

– Теперь я знаю, что вам подарить на день рождения.

– Что?

– Электробритву!

Мохов поморщился:

– Не люблю электробритв. Лучше устрой мне День Большой Любви.

– Для этого не обязательно дожидаться дня рождения.

– Да, ты права.

Мохов оттянул пальцем край кофточки девушки и поцеловал ее в ключицу, затем запустил руку ей под юбку. Девушка вздрогнула и перехватила его запястье.

– У вас совещание через десять минут.

– За десять минут я успею тебя...

На столе запиликал мобильный телефон.

– Черт, – выругался Мохов. – Забыл отключить. Не обращай внимания.

Но телефон продолжал пиликать.

– А если что-то важное? – сказала Татьяна.

– Плевать!

Девушка вытянула шею и посмотрела, какой из трех мобильных телефонов, уложенных рядочком на столе, звонит.

– Между прочим, красный, – сказала она. – Мне кажется, это ваша жена.

– А, чтоб тебя... – Мохов поморщился. – Вечно она не вовремя. Будь добра, подай мне трубку.

Татьяна наклонилась к столу, зависнув роскошной грудью над лицом Мохова. Он прорычал и шутливо ухватил ее зубами за кофточку. Девушка легонько шлепнула Хозяина ладошкой по темени и протянула ему телефон.

– Как я и говорила – ваша жена.

Виктор Олегович поморщился.

– Алло?... – сказал он в трубку. – Да, милая... Да... Нет, ну что ты... Просто у меня сел аккумулятор... Хорошо, постараюсь...

Мохов посмотрел на Татьяну и скорчил ей гримасу. Она усмехнулась в ответ.

– Да... – продолжил говорить он в трубку. – Конечно, скучал. Как ты можешь сомневаться?

Виктор Олегович запустил свободную руку секретарше под кофточку.

– Конечно... Да... Золотце мое, ты мне снилась две ночи подряд... О, да!.. Обещаешь?

Татьяна наклонилась к Мохову и, шалая, провела губами по мочке его уха. Виктор Олегович с наслаждением поежился.

– Да, золотце, постараюсь прийти пораньше...

Татьяна пощекотала волосатое ухо Хозяина кончиком языка.

– О-о-о... – не выдержал Виктор Олегович. – Что?... Да нет, тебе послышалось... Да, золотце, до вечера. Целую!

Мохов отключил связь и швырнул трубку на стол.

– Ах ты, шалуныя! – сипло и возбужденно проговорил он, стискивая секретаршу в объятиях. – Сейчас я тебя съем!

Татьяна вновь уклонилась от его мокрых губ и засмеялась.

– Не сейчас. Слишком мало времени. Лучше расскажите, как съездили?

– Как съездил? Да как съездил... – Мохов пожал могучими плечами и самодовольно усмехнулся: – В целом неплохо. Думаю, высочайшая поддержка мне обеспечена.

– Я же вам говорила – Президент вас поддержит. Особенно после последней акции. Не зря я вам подкинула эту идею.

– Да, малышка. Я ценю то, что ты для меня сделала.

В самом деле, несколько месяцев назад Татьяна... дело было в постели, после бурного секса – в такие моменты подобревший и размякший Мохов был... – так вот, пару месяцев назад

Татьяна посоветовала боссу организовать молодежный фонд «Поколение-XXI». Мохову идея понравилась, и он сделал..., вложив в это дело силы, душу и, что особенно важно, немалые финансовые средства. Вскоре фонд заработал на полную силу, организуя спортивные секции, кружки по интересам, компьютерные клубы, балетные школы, футбольные первенства, математические олимпиады и т. д. и т. п.

Ход оказался очень удачным. До того удачным, что однажды Виктору Олеговичу позвонили из Кремля. О деталях того достопамятного разговора Мохов не распространялся, однако, судя по тому, каким приятственным блеском начинали светиться его глаза при упоминании о «том звонке», разговор был чрезвычайно приятный.

Однако пришло время описать внешность Виктора Олеговича Мохова. Это был невысокий, широкоплечий мужчина сорока восьми лет, с открытым, широким лицом, крупным носом и небольшими серыми глазами, которым Виктор Олегович умел придавать любое выражение – от холодной мрачности до мягкого дружелюбия. Круглую голову Мохова украшали густые еще, коротко стриженные волосы красивого серебристого цвета. Рот у Виктора Олеговича был небольшим, но полногубым и чрезвычайно подвижным, что придавало его лицу выражение детской непосредственности, которое так нравилось женщинам.

Когда-то Виктор Олегович серьезно занимался греко-римской борьбой и до сих пор, несмотря на (мягко говоря) не слишком праведный и спортивный образ жизни, обладал недюжинной физической силой, что и любил демонстрировать при каждом удобном случае.

* * *

Андрей Долгов сидел за небольшим столиком у окна и пил пиво, держа высокий бокал в длинных и гибких, как у музыканта, пальцах. Отхлебывая пиво маленькими глотками, он поглядывал в окно.

Долгов обожал смотреть на прохожих. Первый раз попав в Париж (было это лет этак пять назад), он сильно удивился манере французов использовать в качестве террас даже самые узкие тротуары. Выставят столы и стулья в рядок, усядутся на них с бокалом вина или «кир-роля» в руке и глазуют на прохожих. Как в театре. Ну не дураки ли?

Недоумению Долгова пришел конец, когда он сам попробовал почувствовать себя в роли зрителя. Сел за круглый столик возле Пале-Рояля, заказал бокал «кира», развалился на стуле и стал смотреть на спешащих мимо людей.

Поначалу глазел исключительно на девушек, скептически оценивая их сексуальность (ставим плюс) или полное отсутствие оной (ставим жирный минус). Затем вдруг поймал себя на том, что тарашится не только на голые щиколотки и туго обтянутые джинсами и юбками попки женщин, но и на вот этого старика с лукавой и гордой физиономией египетского фараона, и на того парня с прической «ирокез», и даже на (стыдно сказать) парочку толстых американок (тщетно пытаюсь угадать: которая из них мать, а которая – дочь).

Одним словом, он понял и оценил кайф бульварного «подглядывания» за прохожими. Смотреть на людей гораздо интереснее, чем смотреть на огонь или на льющуюся воду, решил Долгов.

Вот и сейчас, сидя в одном из ресторанчиков Москвы, он занимался тем же, чем на террасе знаменитой «Ротонды», – глазел на прохожих и размышлял. А размышлял он вот о чем.

«Что, если бы я выиграл в лотерею миллионов этак двести? На что бы я их потратил? Ну, скажем, в бизнес я бы вложил процентов шестьдесят от этой суммы. А на остальные... э, закутил бы так, чтобы земной шар дрогнул. Оттянулся бы по полной, а потом хоть в гроб. Гм... Но если так, тогда зачем мне вкладывать деньги в какой-то бизнес? Прокутить все двести миллионов! Так, чтобы в Африке отозвалось! Устроить самый большой сабантуй в истории человечества! Тогда человечество точно запомнит Андриюшу Долгова».

Когда Долгов отдыхал, его мысли часто кружились вокруг подобных пустяков. Он был чрезвычайно тщеславен, но как-то так получалось в жизни, что судьба отказывала ему в шансе проявить себя. Лет восемь назад Долгов попробовал свои силы в бизнесе. Были кое-какие успехи, но вскоре Андрей понял: все, что ему светит, это стать одним из миллиона бизнесменов средней руки, которые гробят свою жизнь в бесконечных схватках с поставщиками, юристами и налоговой инспекцией.

Завязав с бизнесом, Андрей решил попробовать себя на литературном поприще. Он, что называется «на одном запале», написал три детективных романа и развез их по издательствам.

Ответов пришлось ждать целый месяц.

«Возможно, мы опубликуем эти книги, если вы согласитесь кое-что в них исправить», – гласил один ответ.

«Сюжет вял, герои не прописаны, мотивации не определены», – гласил второй вердикт.

«Романы нам понравились, но опубликовать мы их не можем, так как соответствующие серии закрыты по причине некупаемости проектов», – было написано в письме из третьего издательства.

Так Долгов понял, что в нашей стране лавры Стивена Кинга, который стал состоятельным человеком, получив гонорар от первой же проданной книги, ему снискать не удастся. Стать знаменитым писателем в нашей стране – это целый процесс, кропотливый, трудоемкий, длительный и – увы – практически не берущий в расчет талант автора.

Разочаровавшись в писательстве, Долгов решил стать политиком. Он перетряхнул свои старые знакомства и нашел человека, который помог ему устроиться помощником депутата. Вскоре выяснилось, что никакой политикой Долгову заниматься не нужно. А что нужно? Мотаться по городу с кипой бумаг, получать подзатыльники от недругов шефа, подыскивать шефу девочек на его вкус и подтирать за ним блевотину перед входной дверью, когда он возвращается домой после изматывающего отдыха в сауне.

Итак, с карьерой политика также было покончено.

Чем же еще заняться? В чем себя проявить? На государственной службе? Пятнадцать лет нудной работы в надежде на то, что тебя заметят и поставят на «важный» пост – каким-нибудь третьим заместителем второго помощника? Благодарю покорно, идиотов нет.

Идти к вершине долгим путем Долгова не устраивало. Он верил в то, что есть какие-то другие пути к славе и почету – более короткие и, как следствие, более эффективные.

Пять лет назад на пути Долгова встретился Виктор Олегович Мохов. Вернее – Андрюша Долгов встретился на пути Мохова.

Хозяин (а про себя Долгов называл босса только так) произвел на бывшего помощника депутата сильное впечатление. «Вот человек, который сделал себя сам, – подумал тогда Долгов. – Он, как ледокол, прет вперед, не обращая внимания на льды и морозы. По пути к цели ломает грудью всё, что стоит у него на пути, перемалывает чужие жизни».

В то время Хозяин еще не был Хозяином. Он был всего-навсего бизнесменом – владельцем двух гостиниц, нескольких авторемонтных мастерских да еще кой-какой мелочи.

Познакомились они при весьма интересных обстоятельствах. Мохов, будучи сильно навеселе (ох, любил Хозяин это дело), выходил из ресторана. Выходил-то Виктор Олегович нормально (насколько вообще может быть нормальным человек, приговоривший литровый графин водки), но едва переступил порог ресторана, как в голове у него помутилось, а в глазах замелькало.

«Развезит, – успел тогда сообразить Мохов. – Надо что-то предпри...»

Однако предпринять он ничего не успел. Лишь увидел, как асфальт покачнулся и стал стремительно приближаться к лицу, пока не стукнул Мохова по лбу.

«Развезло», – понял Виктор Олегович и, будучи по природе фаталистом, отдался во власть враждебных стихий, позволив этим стихиям делать с собой все, что им заблагорассу-

дится. Сквозь вату в ушах он услышал чьи-то торопливые шаги, а потом почувствовал, как чьи-то ловкие пальцы шарят у него по карманам.

Мохов сделал над собой усилие и слегка приоткрыл глаза. Реальность продолжала метаться перед глазами, и в центре этой свистопляски Мохов увидел подпрыгивающее и двоящееся желтое пятно.

– Ты кто? – выдавил из себя Виктор Олегович.

– Прохожий, – ответил незнакомец, продолжая обшаривать карманы Мохова.

Виктор Олегович хотел смазать наглецу по морде, но промахнулся и завалился набок.

– До... документы не трогай, – прохрипел он, поняв, что пещься о целости бумажника поздновато.

– Не трону, – пообещал незнакомец.

– Спасибо, – выдохнул Мохов, закрыл глаза и окончательно отключился.

Сквозь хмельную дрему он слышал какие-то шумы, ощущал прикосновение чужих рук, но все это было где-то там, далеко-далеко, за пределами огромного тела, которое вдруг стало Виктору Олеговичу чужим, а сам он превратился в крошечный, слабо пульсирующий проблеск сознания, окутанный со всех сторон бесконечной, давящей тьмой.

Первое, что увидел Мохов, придя в себя, было то же желтое пятно. Только теперь оно приобрело черты и превратилось в лицо раскорого, ухмыляющегося парня.

– Ну? – сказал парень. – Очнулись?

3

Виктор Олегович почувствовал, что по лицу его бежит что-то холодное.

– Это... – попытался он выговорить.

– Вода, – договорил за него парень. – Холодная минералка. Я протер ею ваше лицо.

– За...зачем?

– Чтобы вы пришли в себя.

– Зачем? – снова спросил Мохов, пытаясь сосредоточиться на лице парня.

– Вы очень упитанный господин, – весело ответил незнакомец. – Мне тяжело будет вас тащить. Может, попробуете пойти сами?

Мохов поднял ватную руку и провел ладонью по лицу.

– Ух... – проговорил он. Затем пошевелил головой, пытаясь оглядеться, поморщился от боли и проямлил: – А... где я?

– В своей машине, – ответил парень. – Я достал из вашего кармана ключи, подогнал машину к двери ресторана, погрузил вас и привез сюда.

– Погрузил... – повторил Мохов и сощурил тяжелые веки. – Как погрузил?

– Не один, конечно. Вместе с охранником ресторана. Пришлось ему немного заплатить. Кстати, ваш бумажник у вас в кармане. Можете проверить – все деньги на месте. Кроме двадцати баксов, которые я отдал охраннику за помощь в транспортировке. – Незнакомец усмехнулся. – Однако хорошо же вы погуляли, Виктор Олегович.

Мохов попробовал подняться – молодой человек тут же пришел ему на помощь. В висках у Виктора Олеговича стучало. Кряхтя и морщась от боли, он сел, обвел дикими глазами салон машины, остановил взгляд на знакомце и сказал:

– А ты, брат, откуда меня знаешь?

– Оттуда же, откуда узнал ваш адрес. Из вашего паспорта. Кстати, если я не ошибся, мы сейчас находимся аккурат возле вашего подъезда.

– Да? – рассеянно сказал Мохов, выглянул в окно, облизнул опухшим языком пересохшие губы, снова посмотрел на парня и грубовато спросил: – Это ты меня сюда привез?

– Я, – смиренно ответил тот. – Уж простите за самоуправство.

– Ловко, – сказал Виктор Олегович и через силу усмехнулся. Он уже начал трезветь, а значит, с момента выхода из ресторана прошло не меньше часа.

– Так как? Вы можете идти? – поинтересовался, разглядывая его взлохмаченную голову, незнакомец. – Или мне еще кого-нибудь нанять в помощники.

– Не надо помощников, – сказал, уже вполне овладев своим голосом, Виктор Олегович. – Дай мне минут десять, и я буду как огурчик.

– Ну, это вряд ли, – улыбнулся парень. – Так быстро никто не трезвеет.

– Я трезвею, – ответил Мохов. Он сглотнул слюну и снова поморщился. – Слушай, приятель... возьми деньги и сгоняй в магазин за холодным квасом, а? Сушняк душит, мочи нет.

Желтолицый парень криво ухмыльнулся.

– Я не приказываю, я прошу, – проговорил Мохов. – И я тебе... заплачу.

Незнакомец брезгливо дернул губой.

– Оставьте ваши деньги при себе, – сухо сказал он. – Если бы я хотел, я бы давно уже выпотрошил ваш бумажник.

– Да... Прости...

В голове у Мохова бухнуло, и он застонал. Парень взгляделся в его искаженное болью лицо.

– Я принесу квасу, – тихо сказал он. – Где здесь ближайший магазин?

– Там... – Виктор Олегович слабо махнул рукой. – За углом... дома.

Парень кивнул и выбрался из машины. Спустя десять минут Мохов пил из горлышка пластиковой бутылки ледяной квас – жадно, большими глотками, чувствуя, как постепенно проясняется его голова и отпускает похмелье.

Когда бутылка опустела, Виктор Олегович вытер мокрый рот рукавом пиджака, рыгнул и сказал:

– Ну, вот. Теперь я в норме. Спасибо, приятель, ты здорово меня выручил.

– А ведь вы и правда протрезвели, – удивленно произнес парень. – В первый раз такое вижу. Как вам это удалось?

– Такой организм, – ответил Мохов, с любопытством разглядывая незнакомца.

Тот улыбнулся и отвел взгляд – но вовсе не потому, что смутился, а словно бы из вежливости, будто боялся, что прямой взгляд может показаться собеседнику невежливым. Мохов понял и оценил.

– Как тебя зовут, приятель? – спросил он.

– Андрей. Андрей Долгов.

– Андрей, – повторил Виктор Олегович, кивнул и снова поморщился.

– Похмелье-с? – иронично осведомился парень.

– Угу... Не сразу отпускает. Слушай, – Мохов снова посмотрел на парня, – а ты чем занимаешься?

– В смысле? – вскинул бровь желтолицый парень.

– Чем зарабатываешь себе на жизнь?

Тот пожал плечами:

– В данный момент ничем. С прошлой работы ушел, а на новую еще не устроился.

– Образование есть? – снова спросил Мохов.

– Высшее техническое. Плюс два курса на факультете психологии.

– Хорошо. – Мохов немного помолчал, потом заговорил снова: – Мне нужен толковый помощник... А ты, я вижу, малый ушлый. И честный. Будешь работать хорошо и держаться возле меня – сделаешь себе карьеру.

Парень помолчал, обдумывая предложение, слушал внимательно, чуть склонив голову набок. Если он и был удивлен, то по лицу его никак нельзя было этого заметить.

– Ну, как? – спросил Мохов, наблюдая (и не без скрытого удовлетворения) за реакцией парня. – Согласен со мной работать?

– Два вопроса: сколько будете платить и что мне нужно будет делать?

– Делать будешь то, что я прикажу. А плата... на жизнь хватит. Уж ты мне поверь.

Мохов не обманул. На жизнь Андрею Долгову действительно хватало. Правда, на жизнь скромную, без излишеств. Да Долгову многого и не надо было. Раздумывая о своей жизни, он частенько с усмешкой на узких губах шептал про себя крепко запавшие в память еще со школы строки:

Мне и рубля не накопили строчки,
краснодеревщики не слали мебель на дом.
И кроме свежeweымытой сорочки,
скажу по совести, мне ничего не надо.

Работы первое время было немного. Долгов часами просиживал в приемной босса, вытянув ноги, ковыряя спичкой в зубах и ожидая распоряжений. Задания, которые давал босс, были в основном плевые – отвези, привези, позвони и договорись. Долгов отвозил, привозил, звонил, договаривался. На лишнюю работу он не нарывался, а ту, что была, выполнял ответственно и без проволочек. Он словно предчувствовал, что это всего лишь начало, что-то вроде испытания. Так оно и вышло.

Вскоре Мохов вызвал его к себе и сказал:

– Ты оправдал мои ожидания, приятель. Но все, чем ты занимался до сих пор, – пустяки. С сегодняшнего дня у тебя начнется новая работа. У тебя наверняка есть приличный костюм. У такого парня, как ты, не может не быть приличного костюма, – с нажимом повторил он. – Сгоняй домой и надень его. Потом возвращайся сюда. Получишь важное задание.

Долгов сделал, как велел Хозяин.

– Помнишь Сваровского? – спросил Мохов, когда он вернулся.

– Как не знать, – усмехнулся Долгов. – Персона известная.

– Ты наблюдал, как я веду дела, и уже во многом разбираешься. Не возражай, я это знаю.

Долгов пожал плечами:

– Я не возражаю.

– Молодец. Сваровский отказался от сотрудничества. Это я о новой паевой компании...

Знаешь?

– Да. Я слышал, как вы вели переговоры по телефону, – спокойно ответил Долгов.

– Поедешь к нему и попробуешь его уговорить. Дело дохлое, но если сумеешь хоть чем-то его зацепить, получишь э-э-э... хороший бонус... Как? Готов? Ну, тогда езжай.

– Слушаю-с, – усмехнувшись, ответил Долгов.

* * *

– Я от Виктора Олеговича Мохова.

– Да, я в курсе. Что вы хотите?

Долгов слегка прищурил черные глаза, чтобы тень длинных восточных ресниц прикрыла их блеск, и сказал:

– Я бы хотел поговорить насчет паевого фонда, который организует Виктор Олегович. Мне кажется, вам будет очень выгодно принять участие в его...

– Зачем мне это? – неприятно перебил его Сваровский. – У меня своя дорога, у вашего босса – своя. Да и Мохову это ни к чему. У него уже есть партнеры. К тому же... – Сваровский едва заметно усмехнулся. – У меня будет своя паевая компания, партнеры и специалисты в избытке.

– Вот в чем дело, – улыбнулся Долгов. – Я, собственно, и не ждал, что вы вот так, сразу, согласитесь. Но тогда, может быть, вы захотите прикупить себе пакет?

Сваровский хмыкнул:

– С какой стати?

– Чтобы помочь мне закрепиться на месте помощника Мохова, – мягко и как-то даже по-приятельски ответил Долгов.

Брови Сваровского взлетели вверх.

– Полагаю, вы поясните ваши дикие слова? – холодно поинтересовался он.

Долгов кивнул:

– Разумеется. – Он чуть подался вперед и заговорил доверительным, бархатным голосом: – Видите ли, Лев Константинович, я много о вас читал. Меня всегда интересовали персоны вашего ранга. Великие люди, которые сами сделали свою судьбу.

– Судьбу сделать невозможно, – возразил Сваровский, не слишком, впрочем, сердито. – Ей можно только следовать.

– Пусть так, – улыбнулся Долгов. – Но в таком случае вы крепко ухватили ее за хвост. Я знаю некоторые моменты вашей биографии. Вы ведь родом из Алтайского края?

– И что с того?

– Мы с вами земляки, Лев Константинович. Я так же, как и вы, родился и вырос в Новоалтайске. Мы с вами даже в одну и ту же школу ходили.

– Да ну?

Лицо Сваровского слегка посветлело.

– Я, собственно, поэтому и согласился надоедать вам, чтобы только с вами увидеться и поговорить. Татьяна Федоровна мне много о вас рассказывала. Она до сих пор уверена, что вы – ее лучший ученик и что вам следовало пойти в науку.

– Да уж... – Сваровский улыбнулся. – Она меня всегда любила. И переоценивала мои таланты.

– Она до сих пор хранит ваши задания с олимпиад, особенно с той, восемьдесят второго года. Когда вы предложили оригинальное решение задачи.

– Ну, не такое уж и оригинальное, – польщенно проговорил Сваровский, с интересом поглядывая на Долгова.

Долгов покачал головой:

– Я видел вашу работу. Это блестяще. Честно говоря, вы еще в школе стали моим кумиром. Я даже поставил себе за цель – добиться ваших успехов. Но, увы, мои способности гораздо ниже ваших. Тем не менее я не теряю надежды.

– Это понятно, – нетерпеливо проговорил Сваровский. – Но лучше расскажите, как там Татьяна Федоровна? Здорова ли?

– Умерла. Еще год назад. Двусторонняя крупозная пневмония. Я был в больнице в ее последний день, и это... было очень тяжело.

Лицо Сваровского стало грустным.

– Да, понимаю, – сказал он. – Ах, как грустно. Она была очень хорошим человеком.

– Очень, – сказал Долгов.

– Да... Гм... – Сваровский смерил Долгова задумчивым взглядом. – Так вы, стало быть, мой поклонник?

– Был им, – с иронией в голосе сказал Долгов. – И, как ни странно, остаюсь.

– И вы хотите сделать карьеру в бизнесе?

– Скорей уж, в политике, – поправил Долгов. – Мне кажется, что у Виктора Олеговича есть большой потенциал в этой области.

– Да... Политик из него получится. Он не слишком дипломатичен и не слишком сдержан в развлечениях, но хватка у него бульдожья. Да и знакомства с кем нужно он водить умеет. – Сваровский побарабанил пальцами по крышке стола. – Знаете что... Как, вы говорите, вас зовут?

– Андрей.

– Знаете что, Андрей, партнером Мохова я не стану. И он это отлично знает. Думаю, он послал вас ко мне для проверки ваших деловых способностей. Однако я готов создать вам некую... репутацию. Передайте Мохову, что я куплю большой пакет. Скажем, тысяч на семьдесят пять. Это, конечно, мелочь, но он это оценит и вас для себя отметит. Думаю, он и этого не ожидал. Просто хотел испытать вас боем и поражением.

– Я тоже так думаю, – с улыбкой сказал Долгов.

– Вы кажетесь мне дельным малым, – доброжелательно заметил Сваровский. – И если не будете воровать и пьянствовать, далеко пойдете. Позвоните мне как-нибудь – поболтаем о нашей малой родине.

– Обязательно позвоню.

Сваровский мельком глянул на часы. Долгов заметил это и быстро поднялся со стула.

– Извините, если показался вам слишком навязчивым, Лев Константинович.

– Да ничего страшного. Я даже рад был с вами познакомиться.

– А я тем более. Пойду, понесу Мохову хорошее известие.

Сваровский приподнялся с кресла и протянул молодому человеку руку. Тот вежливо, но «без фанатизма» ее пожал.

Рассказ о встрече со Сваровским Хозяин выслушал чрезвычайно внимательно, хотя и продолжал одновременно просматривать деловые бумаги, напялив для этой цели смешные маленькие очки с узкими стеклами.

– Ты и в самом деле учился в той же школе? – поинтересовался он, когда Долгов закончил рассказывать.

Тот усмехнулся:

– Да я даже не знаю точно, где этот Новоалтайск находится.

Виктор Олегович посмотрел на помощника поверх очков:

– Откуда взял информацию?

– Порылся перед встречей в Интернете, – просто ответил Долгов. – Ну и еще позвонил кое-кому из старых знакомых – журналистов.

– Молодец, – похвалил Хозяин. – Уметь добывать информацию – большой талант. Но еще больший талант – правильно ее использовать. Ты не боялся, что он тебя разоблачит?

Долгов небрежно пожал плечами:

– Определенные опасения, конечно, были. Но я на них не заострялся. Положился на авось и на свои актерские способности. Я ведь в юности занимался в театральной студии.

– Лучше скажи, чего ты в юности не делал, – улыбнулся Виктор Олегович. – Но тему просек правильно. И правильно в доверие к этому кадру втерся. Но особо не задавайся. Сваровский не так прост, как любит казаться. Он лис ушлый.

– Я заметил, – кивнул Долгов. – Мне кажется, он хочет меня использовать в каких-то своих целях.

– Да понятно, в каких. Приятно иметь своего человека в чужом стане. Не удивлюсь, если он позвонит тебе, пригласит на встречу, а потом попросит информировать его о том, что происходит здесь.

Мохов взял графин и плеснул себе в стакан воды. Пока он пил, Долгов сидел молча, словно что-то обдумывал. Когда стакан босса опустел, Долгов слегка качнул головой, будто бы очнулся от забытья.

– Засланный казачок – не моя роль, – с вежливой улыбкой сказал он.

– Не твоя? – насмешливо сдвинул брови Хозяин.

– Никак нет-с, – ответил Долгов.

– Ох, приятель, жизнь показывает, что человек способен на любую роль. Даже самую распоганую. Даже самый распрекрасный человек. Поэтому, как говорила моя мама, не зарекайся. А сейчас я тебе хочу кое-что вручить.

Мохов открыл ящик стола, достал из него небольшой белый конверт и швырнул на стол.

– Это тебе.

– Аванс? – спокойно уточнил Долгов.

– Скорее, что-то вроде подъемных.

– Оправдал, значит, доверие-то? – с мягкой иронией в голосе поинтересовался Долгов.

– На девяносто девять процентов, – ответил Мохов.

– Значит, все-таки не на сто?

Мохов покачал головой:

– Нет, дружок. Сваровский ведь не согласился стать партнером.

Виктор Олегович посмотрел на вытянувшееся лицо помощника, подмигнул ему и весело расхохотался:

– Хватай конверт и топай домой. Советую тебе как следует отдохнуть, завтра у нас много работы.

4

Вспоминая об этом, Долгов удивлялся собственной прозорливости. Несколько лет назад, проходя мимо валявшегося возле дверей ресторана мужика, он, по сути, выбрал свою судьбу, и она, в свою очередь, слепила из него того, кем он был сейчас. А ведь было искушение взять бумажник «бухарика» и, как пишут в детективных романах, раствориться с темноте. Тем более что в бумажнике была круглая сумма. Сколько ж там было?...

Долгов наморщил желтый лоб.

Около штуки баксов, не меньше. По тем временам весьма кругленькая сумма. Можно было целый месяц валять дурака и ни хрена не делать.

– Эй, красавчик! – окликнул его мягкий женский голос. – Ты не меня ждешь?

Долгов отвернулся от окна и поднял взгляд на девушку.

– Привет, веснушка! – весело сказал он.

Татьяна (а это была именно она) наморщила носик.

– Я сто раз тебя просила не называть меня так, – сказала она, присаживаясь за стол.

– Почему? Тебе идет это прозвище.

Татьяна бросила сумочку на свободный стул и, доставая сигареты, покосилась на Долгова.

– Ты считаешь, что я конопатая? – с напускной сердитостью спросила она.

Долгов улыбнулся:

– Вовсе нет. Но несколько забавных веснушек на твоём носике вызывают у меня отцовские чувства.

– Остынь, папочка. – Татьяна вставила в губы тонкую белую сигаретку и чиркнула зажигалкой. Затем выпустила облачко дыма, помахала перед лицом рукой, отгоняя дым, и сказала: – У меня мало времени. Закажи мне что-нибудь выпить... А впрочем, не надо. Я не хочу ни пить, ни есть. Давай сразу к делу.

Она пристально посмотрела на Долгова и сощурила синие глаза.

– Что тебе от меня нужно?

– А разве ты не знаешь? – дернул бровью Долгов. – Просто я соскучился. Сколько мы с тобой не общались?

– Пару часов.

– Офис не считается, – возразил Долгов. – Я имею в виду...

– Мне плевать, что ты имеешь в виду, – грубовато, но довольно равнодушно перебила девушка. – И уж тем более я не собираюсь предаваться в твоём присутствии воспоминаниям о днях минувших. Что было, то было.

– Ты права, – смиренно согласился Долгов.

Говоря это, он опустил руку под стол и легонько погладил коленку Татьяны.

– Долгов! – тихо воскликнула она и смахнула его пальцы со своей коленки.

– Прости, золотце, не смог удержаться. Ты всегда так аппетитно выглядишь.

– Я не нуждаюсь в твоих комплиментах, – резко ответила девушка. Она сунула руку в сумочку, достала желтый кодаковский пакет и положила его перед Долговым.

Он посмотрел на пакет, затем поднял взгляд на Татьяну и спросил:

– Что это?

– То, что ты просил, – ответила она.

– Неужели? – На тонких восточных губах Долгова зазмеилась усмешка. – Так ты сделала? А я уж думал – не наказать ли тебя за строптивость. Ну-ну, не хмурься, веснушка. Я ведь шучу.

Девушка фыркнула:

– За такие шутки в зубах бывают промежутки.

Долгов поморщился.

– Оставь банальности для своего босса, – тихо сказал он.

– Он и твой босс тоже!

Долгов пожал плечами:

– А я не спорю. Но ты могла бы быть поласковее со мной. В самом деле, что нам делить? Мы с тобой в одной лодке, не забывай об этом.

– В одной лодке? Ой ли? – Татьяна прищурилась. Затем, не сводя взгляда с Долгова, кивнула подбородком на конверт. – Тогда зачем это?

– Чтобы расправиться с врагами Хозяина, – спокойно ответил Долгов. – А ты думала, зачем? Или я похож на мерзавца, который предаёт друзей?

– Скорей, на слугу двух господ, – сказала Татьяна.

Она сказала это ленивым, небрежным голосом, словно и сама не осознавала до конца, о чем говорит, однако Долгов бросил на нее быстрый, пристальный взгляд – словно прожег ее лицо огненным рентгеном.

Татьяна медленно отвела глаза и вздохнула.

– Андрей, с некоторых пор я перестала тебя понимать, – устало произнесла она. Затем стряхнула с сигареты пепел и добавила: – Честное слово, иногда мне кажется, что ты просто сумасшедший.

– Не исключено, – улыбнулся Долгов. – Знаешь, веснушка, некоторые психологи считают, что сумасшествие и гениальность – это одно и то же. Ван Гог лежал в сумасшедшем доме, но он писал гениальные картины. Роберт Лоуэлл и Сильвия Плат вообще не вылазили из психушки.

– А кто это? – насторожилась Татьяна.

– Не важно. Гении.

– Хорошо, если так. Только мне кажется, что вместо Нобелевской премии ты когда-нибудь получишь направление в дурку. Завернут тебя, лапочку, в мокрую рубаху, вколют укольчик и бросят в комнату с мягкими стенами. Чтобы голову себе не расшиб.

– Рад, что ты за меня переживаешь.

Долгов взял конверт, мельком заглянул в него, удовлетворенно кивнул и спрятал конверт во внутренний карман пиджака.

– Трепещите, враги! – весело проговорил он. – Теперь жизнь Хозяина в надежных руках.

– Что ж... Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, – заметила на это Татьяна. Она изящным жестом вмяла окурок в пепельницу и взяла сумочку. – Мне пора бежать. И вот что, Андрюша, если захочешь меня увидеть – приходи в приемную. Эти таинственные посиделки в баре мне не по душе.

В темных глазах Долгова полыхнул холодный огонек.

– С каких пор? – осведомился он.

– Сам знаешь, с каких.

Татьяна поднялась со стула и забросила сумочку на плечо.

– Пока, милый! – насмешливо сказала она, помахала Долгову ладошкой, повернулась и зацокала каблучками по мраморному полу.

Долгов проводил ее взглядом до самой двери, затем повернулся к окну и смотрел на девушку до тех пор, пока она не скрылась из виду.

– В дурку, говоришь? – тихо проговорил он. Усмехнулся и добавил: – Не дождетесь.

В глазах его стояло бешенство.

5

– Ну, как?

– Как всегда.

– Скажи это вслух.

– Ты лучший! – улыбнулась Татьяна и потерлась острым подбородком о его волосатую грудь.

– То-то же.

Максим взял с тумбочки сигареты и закурил. Татьяна, подперев щеку рукой, смотрела, как он курит.

– Какой же ты тщеславный, – тихо сказала она.

– Мне есть, чем гордиться, ты не находишь? – усмехнулся в ответ Максим.

Это был рослый, мускулистый детина с тяжеловатым подбородком, на котором красовалась «голливудская» ямочка, и длинными темными волнистыми волосами. На носу у Максима была изящная горбинка. Татьяна провела пальцем по этой горбинке и сказала:

– Все-таки ты удивительно красивый сукин сын.

– Это мой главный капитал, малышка.

– И ты имеешь с него неплохие дивиденды. Ну-ка, скажи – скольких богатеньких вдовушек ты окрутил и разорил?

– Ни одной, – с усмешкой ответил Максим. – Я специализируюсь на замужних барышнях.

Мне не нужна легкая добыча.

– Когда-нибудь тебе проломают череп, – сказала Татьяна.

Максим пожал плечами:

– Пробовали. Но, как видишь, я жив. А тот, кто пробовал, до сих пор работает на лекарства.

– Ты не только тщеславный, но и самонадеянный. Кстати, я совсем не замужняя барышня. Что ты делаешь в моей постели?

– С тобой у меня не бизнес. С тобой – любовь.

Максим глубоко затянулся, и вспыхнувший огонек сигареты осветил нижнюю часть его лица – такую же красивую (на взгляд Татьяны), как и верхняя. Татьяна потянулась и поцеловала его в уголок твердых губ. Максим повернулся и поймал губами ее губы.

– Мы знакомы два месяца, а у меня до сих пор дрожь по жилам, когда ты меня целуешь, – мягко сказала Татьяна.

– Взаимно, – сказал Максим.

Татьяна, чуть отстранившись, полюбовалась его литой мускулатурой, затем наклонилась и поцеловала Максима в плечо. Он усмехнулся, затушил сигарету в пепельнице и повернулся к девушке.

– Ты обдумала мое предложение?

– А ты делал мне предложение? – игриво проговорила она. – Где же кольцо с бриллиантом?

– Не валяй дурака. Ты знаешь, о чем я.

– А, ты об этом... – Татьяна поморщилась. – Я не хочу это обсуждать. Мне не нужны проблемы. Тебе, я думаю, тоже.

– Никаких проблем не будет, – веско произнес Максим.

Татьяна отпрянула от него и легла на спину. Она выглядела обиженной. Теперь уже Максим склонился над ней.

– Милая, – произнес он мягким, бархатным баритоном, целуя ключицы девушки. – Я знаю, что ты боишься. Но я ведь с тобой. Мы неплохо на этом зарабатываем, поверь мне.

– Ты не знаешь Мохова. Он не какой-нибудь там трус, он кому угодно глотку перегрызет.
– Не накручивай, золотце. Ничего он никому не перегрызет. Он давно уже играет по правилам. Мохов – политик. А политики боятся публичных скандалов.

Максим попытался поцеловать Татьяну, но она отвернулась.

– Что? – недоуменно спросил Максим.

– Я уже сказала: я не хочу в этом участвовать.

– Золотце, ты не можешь в этом не участвовать. Ты главный игрок, а я всего лишь твой помощник. Поверь мне, если бы я мог выкачать из него пару тысконок без тебя, я бы давно уже это сделал.

Максим снова попытался поцеловать девушку, но она оттолкнула его и села в постели. Волосы ее были растрепаны, покрывало сползло, обнажив большую, упругую грудь до самого соска.

– Ты не понимаешь! – яростно проговорила она. – Это не игрушки. Мохов – не муж одной из твоих вдовушек.

– Да я понимаю, золотце. И сознаю «всю степень опасности». – Максим снова усмехнулся. Он был абсолютно уверен в себе, и нерешительность Татьяны его и забавляла, и злила. – Но если обыграть все умело – никаких неприятных последствий не будет. Ты ведь знаешь, что я в этом деле не новичок. Я все устрою. На тебя подозрение не упадет – будь спокойна. Ну же, золотце!

Татьяна вновь попыталась отстраниться, но на этот раз Максим поймал ее лицо ладонями и крепко поцеловал ее в губы.

– Черт... – прошептала Татьяна с придыханием. – Что ты со мной делаешь...

«Вот ты и созрела, моя девочка, – пронеслось в голове у Максима. – Все вы созреваете. И все делаете так, как я скажу. Одни раньше, другие позже».

Он самодовольно улыбнулся и сказал твердо и веско:

– Мы сделаем это. Главное тут – не зарываться и вести себя благородно. Больше десяти штук просить не станем. Для него это не деньги. И негативы вернем – все до одного. Он обойдется малой кровью, а мы с тобой махнем через месяц на Мальдивы. Помнишь, ты хотела?

– На Мальдивы... – эхом отозвалась Татьяна.

Глаза ее были полуприкрыты, на губах играла улыбка.

– Ага, – кивнул Максим. – Вдвоем – ты и я. Пляж, море, коктейли, бунгало. Все, как ты хотела.

– И мы будем плавать с аквалангом... – мечтательно произнесла Татьяна.

– Конечно, золотце. Я покажу тебе затонувшие корабли.

– И кораллы...

– И кораллы, – прошептал Максим девушке на ухо.

– Ты из меня веревки вьешь... – прошептала в ответ Татьяна, хрипло и прерывисто дыша.

– Я просто хочу, чтобы мы были счастливы.

Он стал целовать ее глаза, щеки, виски, шею. Татьяна отшатнулась и прижала ладонь к его губам.

– Хорошо. Но как мы это сделаем? Я не хочу подставляться. Не хочу, чтобы он меня в чем-то заподозрил.

– Золотце, все будет хорошо. Назначь ему встречу в ресторане, о котором я тебе расскажу. Рядом – гостиница. Когда встретитесь и он потянет тебя в постель, скажи, что не хочешь везти его к себе домой. Придумай что-нибудь. Я не знаю... Скажи, что к тебе приехали родственники или еще что-нибудь в этом роде. Натолкни его на мысль о гостинице. Только чтобы он сам предложил – это важно! Остальное – моя забота.

– Но как мы попадем в нужный номер? – неуверенно спросила Татьяна.

Максим усмехнулся с видом человека, у которого все схвачено.

– Золотце, сделай, как я прошу, и все будет тип-топ, – сказал он. – А сейчас – иди ко мне!
Он протянул мускулистые руки и сжал Татьяну в объятиях.

6

Толик Азизов работал в службе технической поддержки всего три недели. Он считал себя неплохим компьютерщиком, но, будучи парнем скромным, предпочитал не выпендриваться перед своими новыми коллегами. Тем более что в свои двадцать он был самым младшим из парней, работающих в отделе.

В тот день он не пошел с коллегами в кафе обедать, а решил покопаться в Интернете – с утра навалилось много работы, поэтому у Толика Азизова не было возможности сделать это до обеда.

К тому же не хотелось обедать в компании коллег. Они, конечно, были славные парни, но уж больно любили потешаться над новичком. Толян слова не мог сказать, чтобы кто-нибудь из этих «юмористов» не поддел его. Толян знал, что такова уж судьба всех новичков, тем более, младших новичков – служить объектом для насмешек. Но иногда его терпению приходил конец, и тогда он начинал сердито огрызаться, чем вызывал новый шквал насмешек. В общем, удовольствие было то еще.

Оставшись в отделе один, он вошел в Интернет и немного попрыгал по порно-сайтам, так, в качестве разминки. Затем пробежал глазами несколько новостийных сайтов. Потом прочел небольшой текст о новом «шутере», релиз которого намечался на осень. И наконец, забрался в свой любимый сайт знакомств.

«Превед! Увидел твою фотку и влюбился. В натуре – ты самая классная девчонка в Сети!»

Немного подумав, Толян продолжил:

«Я нормально катаюсь на роликах, а ты? Если захочешь потусоваться – покажу тебе клевые места для катания».

Дописав еще пару строк, Толян отправил письмо. Затем скопировал фотку девушки в свою папку, чтобы на досуге «попялиться». Покончив с важными делами, он посмотрел на часы. До конца обеда оставалось еще полчаса. Хавать совершенно не хотелось.

«Новостишки, что ли, еще посмотреть!»

Толян открыл страницу новостей, пробежал взглядом по анонсам, зевнул и хотел было снова вернуться на сайт знакомств, но тут взгляд его зацепился за баннер с физиономией мужика, который показался Толяну знакомым. Не успев даже сообразить, что делает, он машинально щелкнул мышкой по баннеру.

Страница загружалась медленно.

«Фуфло кривое», – в сердцах подумал Толян, и вдруг челюсть его слегка отвисла. С открывшейся страницы на Толяна Азизова смотрел Хозяин! Собственной персоной! (Хозяином все в офисе называли Виктора Олеговича Мохова.)

Толян прищурился и прочел броскую надпись рядом с фотографией:

«ВСЯ ПРАВДА О БУДУЩЕМ ПРЕЗИДЕНТЕ РЕСПУБЛИКИ!»

– Ну-ну, посмотрим, – насмешливо прошептал Толян и стал читать статью.

***БОЛЬШОЙ ВАЛУН, ПОРОСШИЙ МХОМ,
ИЛИ «КТО ВЫ, ГОСПОДИН МОХОВ»?***

«Сегодня утром я проходил мимо будки объявлений и замедлил шаг возле большого красочного плаката, на котором был изображен Президент России, пожимающий руку какому-то упитанному господину. Подпись под изображением гласила, что упитанный господин – это наш почетный горожанин Виктор Олегович Мхов.

«Я на вас надеюсь!» – говорил Президент нашему земляку. Я остановился перед плакатом и задумался. Но тут незнакомый голос меня спросил:

– Кто этот человек?

Я обернулся и увидел перед собой незнакомо­го человека. В руках у человека был дорожный кейс. Судя по всему, он только что высадился с поезда.

– Как? – сказал я ему. – Вы не знаете? Это ведь почетный гражданин нашего города Виктор Олегович Мохов.

– Мохов? – Незнакомец нахмурил брови. – Какой такой Мохов? Не знаю такого.

– А вы местный или гость нашего города? – уточнил я.

– Я родился здесь, но десять лет прожил в другом городе.

– Ах, вон оно что. Так вы все пропустили!

– Пропустил? Что я пропустил?

– Самое главное. Кто был хозяином города десять лет назад?

– Полагаю, что горожане, – сказал незнакомец.

Я кивнул.

– Именно. А теперь хозяин нашего города – Виктор Олегович Мохов! Более того, через несколько месяцев он станет хозяином республики. Как вам это нравится?

– Мне это совсем не нравится, – еще больше нахмурился незнакомец. – И кто же он такой, этот ваш Мохов?

– Мохов? Мохов – это...

И тут я понял, что рассказать о Викторе Олеговиче в двух словах невозможно. Я оставил незнакомца без ответа и отправился в редакцию, где сел к компьютеру и припомнил, кто же такой Виктор Олегович Мохов. И откуда он, собственно, взялся на нашу... Впрочем, обо всем по порядку.

Мало кто знает, каким образом Виктор Олегович приобрел свой капитал. В постперестроечные годы на советском (тогда еще) пространстве еще не было того ужасающего развала, какой наступил пару-тройку лет спустя, когда Советский Союз приказал долго жить. В ходу были модные словечки «гласность», «перестройка», «хозрасчет». Ширилось кооперативное движение. Одним из флагманов этого движения и был наш уважаемый герой.

В конце 80-х годов прошлого века Мохов, будучи заводским комсоргом, организовал в одном из пригородов мастерскую по изготовлению обоев. Обои были, прямо скажем, так себе. Но при всеобщем дефиците товаров и на такие был бешеный спрос. Виктор Олегович, что называется, «приподнялся». Даже начал строить себе дом в сосновой роще.

Виктор Олегович показал себя хватким бизнесменом, человеком «новой формации», и на перспективного комсомольского вожака, промышленяющего обойным делом, обратили внимание старшие товарищи.

В начале 90-х Мохов открыл автосервис, а чуть позже стал счастливым обладателем гостиницы «Радуга». Злые языки поговаривают, что сам Виктор Олегович не заплатил за гостиницу ни копейки, получив ее в «безвременное пользование» от отцов города, с которыми всегда умел находить общий язык.

Кто-то, вероятно, мне возразит, что, дескать, «этого не может быть, гостиницы просто так не дарят». Согласен. Но загвоздка в том, что в начале достопамятных 90-х в нашей стране творилось много странного.

Между делом заметим, что всему этому делу предшествовала небольшая заварушка, в результате которой на тот свет отправились двое бывших компаньонов Мохова, с которыми (как поговаривают злые языки) он «кое-что» не поделил. Причем один из них, абсолютно конечно же случайно, сварился заживо в сауне, расположенной на территории загородного хозяйства Виктора Олеговича. Заклинило дверь. Что ж, бывает.

Виктор Олегович горько скорбел на похоронах товарища и даже произнес прощественную речь, в которой почему-то не упомянул о своих разногласиях с почившим.

Но это еще не конец нашей истории.

Через полтора года после приобретения гостиницы Виктор Олегович Мохов открыл на ее территории казино «Рука фортуны». И опять-таки злые языки поговаривают, что совладельцами казино были тогдашние криминальные авторитеты, с которыми Мохов совместно парился в сауне. (Вполне вероятно, что секрет заклинившей двери, погубившей делового партнера Виктора Олеговича, имеет к этим гражданам самое прямое отношение, но не будем гадать.)

Итак, в середине 90-х господин Мохов – владелец нескольких автомастерских и автомоек, хозяин гостиницы и совладелец клуба-казино «Рука фортуны».

Тут всплывает еще один поразительный факт. Некий журналист Ильин, который попытался приоткрыть завесу тайны над прошлым Мохова, пошел на прием к Мохову и... пропал. В прямом смысле этого слова. Через неделю Ильина вытащили из озера. Следов насилия на теле журналиста не нашли, а посему сделали вывод – «утонул по неосторожности». И дело с концом.

Погибли несколько человек, а Виктор Олегович продолжает свой триумфальный путь по головам, путь на вершину, прямиком в кресло президента республики.

Не пришло ли время остановить разбойника и убийцу? Возможно, пришло. Но Мохов крепкий орешек, и найдется ли человек, способный его «раскусить»?

Мы такого человека знаем. Он предпочитает не афишировать своего имени, но он задался целью наказать убийцу и отправить его туда, где ему давно полагается... сидеть».

– Ой, ё! – протянул Толян и поскреб в затылке. – Это ж надо, какая канитель. Надо пацанам показать.

Он снова посмотрел на фотографию, хмыкнул и покачал головой:

– А с виду правильный мужик. Вот пацаны удивятся.

Толян почувствовал что-то вроде душевного зуда от желания поскорее поделиться новостью с коллегами. У него даже зубы заныли (у Толяна всегда ныли зубы, когда он с нетерпением чего-нибудь ожидал).

Наконец за спиной у Толяна скрипнула дверь, и в офис ввалились парни. Толян обернулся и криво усмехнулся.

– А, приперлись! – громко сказал он. – Между прочим, я...

– Не бузи, пехота, – оборвал его один из парней, швыряя сумку на стеллаж.

– А ничего выглядишь, – иронично заметил второй. – Мы-то думали, ты тут с голоду пухнешь. А ты – свежачок. Хватай, мелочь!

Коллега бросил на стол Толяну чизбургер. Толян посмотрел на чизбургер и почувствовал голодную судорогу в желудке.

– За какие заслуги? – осведомился он.

– Ни за какие. Считай, что это просто любовь, малыш.

Юморист обнял Толяна за плечи и сделал вид, что хочет его поцеловать. Толян сморщился и оттолкнул насмешника. Парни заржали.

– Не хочешь, как хочешь, – весело сказал коллега. – Кстати, чизбургер я заберу. Ты его не заслуживаешь.

Не успел Толян моргнуть, как насмешник смел со стола чизбургер и принялся бойко его поедать.

– Ничего, малыш, будет и на твоей улице праздник, – с набитым ртом проговорил коллега.

– Пошли вы... – огрызнулся Толян и обиженно отвернулся к компьютеру. И тут взгляд его снова упал на портрет Хозяина. Виктор Олегович Мохов по-прежнему глядел на Толяна с мерцающего монитора – глядел хмуро и неприязненно.

– О, черт! – воскликнул Толян и хлопнул себя по лбу ладонью. – Чуть не забыл!

– Что случилось, малыш? Ты передумал и решил ответить мне взаимностью?

– Не отдавайся ему за чизбургер, парень! Требуй два!

– Три!

– Ведро гамбургеров!

– Да заткнитесь вы! – гаркнул на развеселившихся коллег Толян.

Парни, успевшие рассестись за своими компьютерами, весело переглянулись.

– Ого!

– А наш малыш-то с гонором!

– Тише, парни! – осадил компанию начальник отдела, молодой еще мужчина с черной как смоль бородкой и большими залысынами на выпуклом лбу. – Хватит потешаться над малышом. Вы и сами были новичками. Говори, Толя. Что ты хотел сказать?

Толян хотел обидеться и замолчать, но новость, которую он хотел сообщить, слишком сильно жгла ему гортань. И он не выдержал.

– Короче, парни, тут такая фигня. Посмотрите!

Толян отъехал от экрана монитора вместе с креслом.

– Что там такое? – поинтересовался начальник отдела.

– Фьюить... – присвистнул кто-то. – Да ведь это Хозяин!

– Ну и что? – пожал плечами начальник отдела. – И что с того? Какое-нибудь очередное интервью?

– Ага, интервью, – усмехнулся Толян. – А разоблачение не хотите? Тут написано, что Виктор Мохов убил человека.

– Да ладно заливать.

– Не гони, малец. И за базаром следи. Ту, конечно, стукачей нет, но все равно.

– Да точно вам говорю! Не верите – почитайте. Тут черным по белому написано: убил.

– Ага. Убил и в землю закопал, – откликнулся один из насмешников.

Тем не менее парни встали с мест и принялись обступать стол Толяна. Толян торжествовал. Наконец-то он оказался в центре внимания, и не как объект для шуток, а как полноправный член коллектива. Равный среди равных.

– Читайте, олухи! – задорно сказал Толян, поворачивая монитор так, чтобы парням было лучше видно.

Все-таки чертовски приятно было чувствовать себя таким «нюс-мейкером». Ну, пусть не «нюс-мейкером», но кем-то вроде этого. Теперь статью будут обсуждать до самого вечера, а

если повезет – то и на следующий день. И главным в этом обсуждении будет он, Толян Азизов, потому что именно он первым открыл эту страницу.

– Не слабо, парни, да? У нашего Витюши-то рыльце в пушку. Отличился, блин!

– Тише ты, – осадил его начальник отдела Марк Сквородников.

Вопреки ожиданиям Толяна, никто из парней не веселился. Напротив, все смотрели на экран мрачно и серьезно.

– Ни хрена себе, – сказал один. – У Хозяина теперь точно инфаркт будет.

– Угу. Уже второй.

Толян недоуменно оглядел парней.

– Мужики, да вы что? Это же прикол? Мало ли чего в Сети вывешивают.

– Для тебя прикол, а для него... – Начальник отдела Сквородников вздохнул. – Ты Хозяина не знаешь...

7

Хозяин держал перед глазами распечатанные листы, и пальцы его мелко подрагивали. На широком лбу блестели капли пота. Лицо побагровело, и даже глаза заволокло какой-то мутной, красноватой пленкой.

– «Погибло несколько человек, а Виктор Олегович продолжает свой триумфальный путь по головам, путь на вершину, прямиком в кресло президента республики. Не пришло ли время остановить разбойника и убийцу?» – процитировал он глуховатым, неровным голосом, отвел взгляд от листа и посмотрел на Долгова поверх стеклышек очков. – Что скажешь?

Голос его на этот раз прозвучал резковато и зло, почти истерично. «Начинается, – подумал Долгов. – Вот дерьмо».

– Ну? – снова рявкнул на него Мохов. – Чего молчишь? Нечего сказать?

– Я не... – начал было Долгов, но Хозяин не дал ему договорить.

Он весь подался вперед, навалившись грудью на край стола так, что, казалось, еще немного, и стол треснет пополам и развалится, и Хозяин всем своим грузным телом рухнет на пол.

– Кто это сделал? – рявкнул он. – Кто это написал, я тебя спрашиваю?

«Спокойно, Андрюша. Спокойно». Долгов сдвинул брови и ответил спокойным, рассудительным голосом:

– Виктор Олегович, пока ничего нельзя сказать наверняка. Нужно время, чтобы все выяснить.

– Время? – Глаза Хозяина хищно сощурились. – И сколько тебе нужно времени? Полгода? Год? Или, по-твоему, я тебе плачу за то, что ты тут фланируешь по офису и вертишь передо мной своим тощим задом?

Упоминание про «тощий зад» (что было, то было) задело Долгова, и он слегка ошетинился.

– Виктор Олегович, вы, главное, не волнуйтесь, – с легкой ноткой язвительности произнес он. – Ситуация поганая, но нужно оставаться спокойными.

Мохов широко расставил руки и еще больше навалился на стол.

– Не учи меня спокойствию! – грозно пророкотал он. – Черт! Да я спокойней всех вас, вместе взятых! Что ты намерен делать? Быстро говори!

Долгов кашлянул в кулак и ответил:

– Я подниму на уши ребят из главка. Дайте мне пару дней.

– Пару дней? Работнички! Никто ни хрена не хочет делать. За пару дней можно в Китай и обратно на велосипеде съездить. На кой хрен я вообще вас держу?

– Виктор Олегович...

– Что «Виктор Олегович»? Сорок три года «Виктор Олегович»! Своей головой нужно думать, Андрюша, своей!

Последняя реплика не только была несправедлива, но и не имела никакого смысла. Долгов почувствовал, как в душе его вскипает ярость.

– Я найду мерзавца, – сухо сказал он.

– Ясное дело, найдешь, – кивнул Долгов. – Иначе я не ему, а тебе башку оторву. Выброшу тебя на улицу, как вонючую шавку. Туда, откуда подобрал, – на помойку!

Долгов молчал, пристально глядя на Мохова. Несколько секунд слуга и Хозяин молча глядели друг другу в глаза, затем последний отвел взгляд.

– Вытарасился... Дырку на мне хочешь просмотреть? – пробормотал Мохов и снова взял стола распечатку статьи. Он пробежал взглядом по строкам, затем тряхнул листом и сказал: –

Кто-то скрупулезно покопался в моей биографии. Кто-то, у кого есть выходы на источники. Я чувствую, что этот стервец должен быть где-то рядом. Рядом со мной.

– Если он где-то рядом, значит, мы его знаем, – сказал Долгов. – Нужно проработать всех. Хотя...

– Что? – быстро спросил Мохов.

– Чтобы найти мерзавца, мы должны знать...

Долгов снова оставил реплику недоговоренной.

– Да что знать-то? – вновь вспыхнул Мохов. – Что за идиотская манера подвешивать фразы. Что ты хочешь знать?

Долгов отвел взгляд и понизил голос:

– Знать – есть ли в этой писанине хоть доля правды?

– Что-о? – Лицо Хозяина потемнело. – Ты что, в самом деле, думаешь, что я убийца?

– Не обязательно. Но вы могли быть причастны к этому де...

– Заткнись! – рявкнул Мохов.

Долгов пожал плечами:

– Я просто предположил.

– Даже предполагать не смей!

– Как скажете-с.

– И перестань «сыкать»! Говори, как мужик, а не как лакей! И вообще, уйди с моих глаз, Андрей, – внезапно «потух» Виктор Олегович. – Я хочу побыть один, понимаешь? Один.

Долгов поднялся с кресла.

– Хотите, я зайду через час? – спросил он.

Виктор Олегович покачал круглой головой:

– Нет. Зайдешь, когда я позову.

Долгов кивнул, повернулся и молча вышел из кабинета.

Завидев Долгова, Татьяна отвлеклась от компьютера и тревожно на него посмотрела

– Как он? – тихо спросила она.

– Держится, – лаконично ответил Долгов.

– Да, – протянула Татьяна. – Надо же, как все не вовремя.

– Смотря для кого, – возразил Долгов. – Для Хозяина не вовремя, а для наших врагов – самое оно. У тебя есть сигарета?

– Только тонкие. Дать?

– Оставь себе.

Долгов двинулся к двери, но на полпути остановился, повернул голову и сказал:

– В ближайшие полчаса к нему не суйся. И никого с ним не соединяй. Иначе он наломает дров.

– Хорошо, – ответила Татьяна тихим, испуганным голосом.

8

Андрей заглянул в офис компьютерщиков, кивнул парням, встретился взглядом с начальником отдела Сквородниковым и сказал:

– Марк, можно тебя на пару слов?

Тот поднялся из-за стола и направился к двери. В коридоре Андрей протянул компьютерщику руку и приветливо сказал:

– Привет, старик!

– Здравствуйте, Андрей Маратович, – ответил компьютерщик, пожимая протянутую руку.

Андрей улыбнулся:

– Чего так официально? Мы же вроде были с тобой на «ты».

– Слишком давно не общались, – пожал плечами Марк.

– Да, брат... Всё дела. – Андрей вздохнул. – Бегаешь с утра до вечера, как лошадь, весь в мыле... С приятелями пообщаться некогда. Надо будет как-нибудь посидеть в баре, попить пивка. Ты как?

– Да я-то, в сущности, не против.

– Вот и хорошо, – кивнул Андрей. – Кстати, как твоя жена? Она ведь, кажется, болела?

Компьютерщик посмотрел на Андрея странным, слегка удивленным взглядом.

– Жена давно выздоровела, – сказал он. – Я, кстати, так и не поблагодарил вас за лекарства. Не было возможности.

– А, чепуха, – небрежно проговорил Андрей. – Если понадобится еще – обращайся. Слушай, дружище, тут такое дело. В Интернете появилась мерзкая статейка... – Андрей криво ухмыльнулся. – «Валун, покрытый мохом» – так она называется. Читал?

– Я? – опешил Сквородников.

– Ты.

Компьютерщик нахмурился.

– Вообще-то да, – неохотно признался он. – Статья действительно неприятная. Прямо не статья, а разоблачение.

– Ты веришь в то, что там написано? – быстро спросил Андрей.

Компьютерщик подумал и отрицательно покачал головой:

– Нет, не верю. Думаю, статью заказали враги Виктора Олеговича. Кстати, как он себя чувствует?

Андрей вздохнул и грустно ответил:

– Не скажу, что хорошо. Вся эта предвыборная гонка здорово его вымотала. А тут еще это.

– Понимаю, – кивнул компьютерщик. Он внимательно посмотрел на Андрея и спросил: – Могу я чем-нибудь помочь?

– Я к тебе по этому вопросу и пришел. Предвыборная кампания в разгаре, и мерзавец, который разместил статью в Интернете, на этом не остановится. Есть способ его как-нибудь вычислить?

– В принципе, попробовать можно. По ай-пи адресу. Если, конечно, он не смоеся к другому провайдеру.

– Займешься этим?

– Можно, но у меня сегодня много работы. Не знаю, успею ли.

– Плюнь на работу. Работа подождет. Сперва найди мне этого мерзавца. И займись этим сейчас же, хорошо?

– Хорошо, Андрей Маратович, сделаю.

- Если что – звони мне прямо на мобильный. У тебя есть мой номер?
 - Откуда?
 - Запиши. – Андрей продиктовал компьютерщику номер своего мобильного. – Записал?
- Ну, значит, договорились. Жду твоего звонка, Марк. Привет жене!

9

Долгов волновался не зря. Едва за ним закрылась дверь, как Виктор Олегович Мохов потянулся к ящику стола и достал оттуда початую бутылку джина. Первый глоток он сделал прямо из горлышка – слишком уж сильно у Хозяина «горели трубы».

Сбив первую оскомину, Мохов достал широкий стакан и наполнил его джином наполовину. Закуски не было, да Мохов в ней и не нуждался. Он пил джин неразбавленным, маленькими глотками, поморщиваясь при каждом глотке.

Найдется ли человек, способный его «раскусить»? Мы такого человека знаем. Он предпочитает не афишировать своего имени, но он задался целью наказать убийцу и отправить его туда, где ему давно полагается... сидеть».

Мохов залпом допил джин и брякнул стаканом об стол. Это ж надо, а! Обвинить его в двух убийствах – и все это черным по белому, на виду достопочтенной публики. Любой кретин может щелкнуть на «иконку» и прочесть о приключениях страшного убийцы Мохова. Черт знает что такое! И что это за «человек» такой? Какой-нибудь поганый журналист? А может, фигура покрупнее? Кто-нибудь из конкурентов?... Вполне может быть... Сволочи! Найду и закопаю!

Мохов плеснул в стакан еще джина. В это время в дверь постучали.

– Виктор Олегович, можно? – услышал он голос Татьяны.

– Нет, – угрюмо ответил Мохов. Помедлил секунду и все-таки уточнил: – Что там у тебя? Дверь приоткрылась, и в проеме показалось личико Татьяны.

– Виктор Олегович, принесли письмо. На конверте написано «срочно».

– Давай.

Татьяна вошла в кабинет, прошла к столу, положила на него конверт, повернулась и направилась к двери. Глядя на ее крепкие ягодицы, Мохов на мгновение забыл о свалившейся на него беде, но стоило Татьяне выйти из кабинета, как реальность снова вторглась в его опьяненный джином разум.

Виктор Олегович рассеянно посмотрел на письмо. На нем и впрямь было выведено большими красными буквами «СРОЧНО!». В душе у Мохова зашевелилось неприятное предчувствие.

«Еще не слава богу», – подумал он и взял конверт.

Пальцы после двух стаканов джина слушались плохо, и, прежде чем добраться до содержимого конверта, Виктор Олегович разорвал конверт чуть ли не пополам. Подрагивающими пальцами он достал пачку цветных фотографий. Затем, не сводя с верхнего снимка взгляда, нащарил на столе очки и водрузил их на нос.

Несколько минут Виктор Олегович разглядывал фотографии. На его посеревших скулах отчетливо проступили красные пятна. Лицо стало потным и неприятным. Наконец он выпустил фотографии из пальцев, открыл верхний ящик стола и смахнул их туда. Затем посмотрел на дверь.

«ТАТЬЯНА!» – пульсировало у него в мозгу. Некоторое время он размышлял, затем мотнул тяжелой, круглой головой: «Нет, она здесь ни при чем. Она такая же жертва, как и я. Но как я мог влипнуть? Попался, как мальчишка».

В груди у Мохова сдавило, он сморщил лицо и приложил к груди ладонь. Посидел в этой позе с полминуты, дожидаясь, пока отпустит. Затем, почувствовав себя чуть лучше, протянул руку и снял телефонную трубку. Тут взгляд его упал на разорванный конверт.

«Ах да, – опомнился Виктор Олегович. – Про главное забыл».

Он горько усмехнулся, убрал руку с телефона и вытащил из конверта белый листок бумаги, сложенный вдвое. Раскрыл его и прочел:

\$10 000. Место и время укажем позже. Ведите себя хорошо.

Фраза была набита на компьютере и распечатана на лазерном принтере. Ничего примечательного – заурядный листок.

У Виктора Олеговича снова заболело сердце. Лицо его стало пергаментным, губы посинели.

– Черт... – выговорил он, сжимая пятерней грудь.

Пискнул зуммер коммутатора. Мохов нажал на кнопку.

– Виктор Олегович, – заворковал динамик голосом Татьяны, – к вам Долгов. Вы можете его принять?

– Скажи, пусть подождет минуту.

– Хорошо, Виктор Олегович.

Коммутатор пискнул и отключился.

– Вовремя... – прошептал Мохов, морщась от боли. – Задницей чувствует, стервец, когда нужен.

Дождавшись, пока боль утихнет, Мохов налил себе еще джина и быстро выпил. Боль окончательно отпустила. Виктор Олегович достал из кармана платок, вытер потное лицо, затем нажал на кнопку коммутатора и коротко приказал:

– Впусти Долгова.

10

Когда Андрей пошел в кабинет, Виктор Олегович сидел в кресле со стаканом в руке и читал нараспев:

*Здесь лежит купец из Азии, толковым
был купцом он. Деловит, а незаметен.
Умер быстро: лихорадка. По торговым
он делам сюда приплыл, а не за этим...*

– Бродский, – сказал Андрей, подходя к столу.

– Угадал. – Мохов отхлебнул из стакана.

Долгов знал, что у Хозяина есть манера – читать вслух стихи, когда ему особенно паршиво. Что-то вроде психотерапии. Что ж, каждый спасается от депрессии по-своему. Однако, чтобы угодить Хозяину, Андрей года полтора назад тоже взялся за стихи. Каждый вечер перед сном он учил наизусть по четверостишию и уже через несколько месяцев мог заткнуть за пояс любого профессионального чтеца с его хваленой профессиональной памятью.

Андрей сел на стул и закинул ногу на ногу.

– Татьяна сказала мне, что принесла вам письмо, – негромко произнес он, стараясь говорить спокойно и хоть немного успокоить Хозяина монотонной просодией своего голоса. (Прием этот часто срабатывал.)

– Да, есть такое.

– Это из-за него вы такой бледный?

Мохов прищурился:

– А я бледный?

– Слегка, – ответил Андрей.

Виктор Олегович отхлебнул джина и засмеялся:

– Ты всегда был наблюдателен. А я было думал тебя обмануть. Ладно, ты прав. Мне чертовски плохо.

– Сердце? – прищурил черные глаза Андрей.

Мохов кивнул:

– И оно тоже.

– Если хотите, я вызову «скорую», – предложил Андрей.

Виктор Олегович покачал головой:

– Нет. Никаких врачей. По крайней мере, сегодня. – Он снова отхлебнул джина. Андрей с неодобрением посмотрел на стакан. Мохов перехватил его взгляд и усмехнулся. – Алкоголь меня не убьет. Это мое горячее, ты ведь знаешь.

– Это ваша жизнь, – почти равнодушно заметил Андрей. – Что это было за письмо? Ведь вы хотите со мной о нем поговорить.

– Да, хочу. Мной серьезно занялись, приятель. Кто-то хочет сжить меня со свету.

Андрей слегка приподнял тонкую, черную бровь.

– Вы про эту дурацкую статью в Интернете? – поинтересовался он.

– Не только. На меня объявили охоту, Андрей, – уныло проговорил Мохов.

Андрею была знакома эта интонация. Она подтверждала, что Хозяин впал в глубокую депрессию.

– Меня загнали в угол, – продолжил Мохов тем же упавшим голосом. – Хотят ударить по самому дорогому – по семье.

– Но в статье не было ничего сказано про семью, – возразил Андрей.

Виктор Олегович поднял на Андрея пустые глаза и глухо произнес:

– Ну, значит, я говорю не о статье.

– Не о статье? – удивился Андрей. – Тогда о чем?

Хозяин выдвинул верхний ящик стола, достал из него желтый кодаковский конверт и швырнул на стол.

– Вот, полюбуйся, – со вздохом сказал он. – Надеюсь, тебя это не слишком шокирует.

Андрей взял конверт, достал из него пачку фотографий и принялся неторопливо их разглядывать.

– Ну, как? Нравятся? – с мрачной иронией осведомился Хозяин.

Андрей запихал пачку обратно в конверт и сказал:

– Сколько они за это хотят?

– Десять тысяч долларов, – ответил Мохов, устало откидываясь на спинку кресла. – Иначе грозятся разместить фотографии в Интернете. Я им отдам десять тысяч, они мне – негативы.

– Не так уж и много, – заметил Андрей.

Мохов поморщился:

– Дело не в этом. Откуда я могу знать, что фотографии не появятся в Сети?

– Можно объявить это фотомонтажом.

– Можно. Но, боюсь, он на этом не остановится. Пока негативы у него, он чувствует себя хозяином положения.

Андрей обдумал все, что сказал Хозяин, потом спросил, чуть понизив голос:

– С Татьяной уже говорили?

– Нет, – мрачно ответил Виктор Олегович. – Уверен, что она здесь ни при чем.

– Но поговорить все равно надо. На снимках именно она. Она может быть связана с...

– Нет, – грубо оборвал Мохов. – Выброси это из головы. И не расстраивай девчонку.

Андрей едва заметно усмехнулся.

– Вы в ней так уверены? – тихо поинтересовался он.

– Не меньше, чем в тебе, – сухо ответил Виктор Олегович. – К тому же она слишком умна, чтобы пойти на это. Она бы не стала подставляться.

– Как знать, – недоверчиво произнес Андрей. – Я бы не прочь с ней побеседовать, но раз вы говорите, что она...

– Дай слово, что не будешь к ней лезть, – потребовал Виктор Олегович.

– Даю, – совершенно спокойно ответил Андрей.

Мохов взял бутылку и наполнил стакан наполовину. Хотел отхлебнуть, но вдруг передумал и поставил стакан перед Андреем.

– Пей, – сказал он.

Андрей взял стакан и отхлебнул.

– Ну как? – осведомился Виктор Олегович.

– Как всегда, – ответил Андрей. – Дерьмо.

Мохов засмеялся.

– Ты единственный трезвенник, которого я знаю, – весело сказал он.

Веселье Хозяина пахивало истерикой, и Андрей отлично это понимал, однако вежливо улыбнулся и сказал – спокойно, почти бесстрастно:

– Насчет этих фотографий, босс... Я бы не загадывал заранее. Нужно все основательно проверить. Возможно, публикация в Интернете и эти снимки никак между собой не связаны.

Мохов надменно дернул губой.

– Ты веришь в такие совпадения?

– Вполне, – ответил Андрей. – Скоро выборы. Врагов у вас множество, и многие из них готовы дорого заплатить, лишь бы не допустить вас к власти.

Мохов с полминуты молчал. Затем пристально посмотрел на Андрея и сказал:

– Ты займешься этим?

– Да, – спокойно ответил тот. – Думаю, с нашими связями найти врага не будет большой проблемой.

– Мне озаботить милицию?

– Не стоит. Попробую обойтись своими силами. Если не получится, тогда можно будет подключать тяжелую артиллерию.

Виктор Олегович кивнул и потянулся за бутылкой.

11

За грубым, сколоченным из мореных дубовых досок столом сидел сухой, небритый мужчина лет сорока. Короткая стрижка, шрам, рассекающий левую бровь, колючий водянистый взгляд и синие наколки на пальцах выдавали в нем человека, которого следует если не уважать и бояться, то по крайней мере опасаться.

Он потягивал из кружки пиво и лениво поглядывал по сторонам, время от времени наклоняясь и сплевывая в пепельницу сквозь зубы, словно все, что он видел, вызывало в нем отвращение. Изредка он прикрывал набрякшие веки и будто бы дремал или чем-то грезил. Посидев так несколько секунд, он неожиданно выходил из своей странной дремы и снова принимался за свое пиво.

Когда небритый мужчина в очередной раз открыл глаза, он увидел, что за столиком, прямо напротив него, сидит человек. Как тот сумел так тихо усесться за стол, было непонятно. Человек этот был относительно молод и худ. Желтое лицо, черные, слегка раскосые, как у татарина, глаза, острые скулы.

Небритый мужчина взгляделся в лицо незнакомца, но желтая физиономия того не показалась ему знакомой. Между тем незванный гость улыбнулся и тихо сказал:

– Привет, бродяга.

Небритый окинул незванного гостя изучающим и неприязненным взглядом.

– Я тебя знаю? – сухо спросил он.

Незнакомец чуть склонил голову набок, внимательно разглядывая собеседника, и ответил – абсолютно спокойно:

– Достаточно того, что я тебя знаю. Ты Гирия.

Небритый откинулся на спинку стула и небрежно сказал:

– Я-то Гирия, а ты что за ком с горы?

– Я друг Сержа Чубарого. Можешь звать меня Андрей Маратович.

Гирия подумал, подвигал толстыми надбровными дугами, оттопырил нижнюю губу и задумчиво произнес:

– Чубарый авторитет. А вот тебя, паря, я в первый раз вижу. Откуда я знаю – друг ты ему или нет.

Незнакомец усмехнулся:

– Тебе нужны доказательства? Пожалуйста. Две недели назад ты с корешами взял кассу продуктового магазина «Лакомка». Кореша твои сидят на нарах, а тебя отмазали. Хочешь знать, кто именно тебя отмазал? Майор Коренев. А хочешь знать, кто его попросил майора Коренева тебя отмазать?

Незнакомец замолчал, иронично поглядывая на Гирию. Гирия облизнул пересохшие губы, прищурился и сказал:

– Вон ты куда клонишь...

В голове у него был сумбур. С одной стороны, желтолицый незнакомец (Андрей Маратович, как он просил себя называть) выглядел, как полный фраер. С другой – он знал Сержа Чубарого. И еще этот майор Коренев... И «Лакомка»...

Гирия сглотнул слюну. Фраер оставался непроясненным, и Гирия начинал не на шутку тревожиться.

– Итак, – снова заговорил незнакомец (Андрей Маратович), – ты готов к разговору? Или хочешь, чтобы мы сидели и пялились друг на друга еще полчаса.

Гирия наклонился и сплюнул в пепельницу. Затем снова откинулся на спинку стула и криво усмехнулся.

– Говори, если есть что сказать, – вальяжно проговорил он. – А если нечего – проваливай. Вон Бог, а вон порог.

– Мне есть что сказать, – спокойно сказал Андрей Маратович. – Но сперва скажи ты, Гирия. Ты готов вернуться на нары?

– Ты пугать меня, что ли, думаешь, братишка? – с добродушной улыбкой проговорил Гирия. – Так не трудись. Я не боюсь ни тебя, ни майора Коренева, ни черта с рогами. Если у тебя ко мне дело, так давай – излагай. А вздумаешь мне угрожать...

Некоторое время мужчины смотрели друг другу в глаза. Затем усмехнулись – одновременно.

– Ты мне нравишься, – выдохнул Гирия. (Пристально изучив физиономию Андрея Маратовича, он пришел к выводу, что этого фраера лучше не обижать. В раскосых глазах незваного гостя, на самом их дне, таилось что-то мертвенно-спокойное, холодное, что-то от дикого, хищного зверя, который сидит в засаде и выслеживает добычу.) – Ты мне нравишься, – повторил Гирия. – И я верю, что ты знаешь Чубарого. Угостить тебя пивом?

– Нет, – ответил Андрей Маратович. – Но за предложение спасибо. Я вижу, ты неплохо разбираешься в людях. А дело у меня к тебе следующее, Гирия...

12

Максим Воронов выбрался из машины и с наслаждением вдохнул свежий, влажный воздух улицы. В ресторане он малость перебрал, и теперь его немного мутило.

– Дверцу захлопни, – попросил таксист.

– Ах да. Извини, брателла.

Максим захлопнул дверцу такси. Машина тронулась и, развернувшись, покатила прочь со двора. Проводив ее взглядом, Максим достал из кармана сигареты и закурил. Захлопнув крышечку зажигалки, он вдруг втянул ноздрями воздух, затем поднес рукав к носу, понюхал его и поморщился.

«Опять духи, – с отвращением подумал он. – Всюду эти проклятые духи... Лучше бы от меня воняло машинным маслом или бензином».

Домой идти Максиму хотелось. Там та же вонь, только еще гуще и гаже. И кто только придумал эти духи! Но с другой стороны, бог знает, каким дерьмом воняло бы от этих старых кошелоков, если бы они не поливали себя «Шанелью».

Максим усмехнулся своим мыслям, задумчиво посмотрел на кончик сигареты, вздохнул и тихо проговорил:

– Что за жизнь... С утра до вечера одни бабы. С друзьями пообщаться некогда.

– Завидую тебе, братан, – услышал он у себя за спиной чей-то негромкий, хрипловатый голос.

Максим вздрогнул и от неожиданности чуть не выронил сигарету. Обернувшись, он увидел перед собой невысокого, коренастого мужчину в темном свитере. В сгущающихся сумерках Максим не смог разглядеть его лица.

– Чего тебе? – резко спросил Максим.

– Мне-то? Да ничего. А тебе?

Максим был на полголовы выше незнакомца и шире его в плечах, поэтому решил не церемониться с прохожим и послать его по известному всем адресу.

– Слушай, мужик, шел бы ты на...

– Ц-ц-ц, – тихо проговорил незнакомец и покачал головой. – Тише, фраерок. Не надо выражаться. У людей открыты окна, а возле окон могут быть дети.

– Да срать я хотел на тебя и на твоих детей, – презрительно проговорил Максим. – Чего ты ко мне прицепился, мудака? Иди куда шел.

– Значит, я мудака? – задумчиво уточнил незнакомец. – Я мудака, да? Ну-ка, повтори, чего сказал.

Максим снова смерил взглядом коренастую, сухопарую фигуру незнакомца. Мужик был явно слабее его, а значит, опасаться было нечего. Однако на всякий случай Максим решил чуть сбавить обороты. Проблемы ему были не нужны.

– Я бы тебе повторил, да вижу, ты и так хорошо запомнил, – сухо сказал он. – Хочешь здесь стоять – стой. А мне пора. Бывай, мужик!

Максим повернулся и пошел к подъезду. Незнакомец за его спиной цыкнул зубами и громко и отчетливо проговорил:

– Задрота припарашная.

Максим встал как вкопанный. Он понял, что незнакомец не просто обозвал его. Незнакомец плюнул ему в спину. Цыкнул сквозь зубы слюной ему на пиджак – на пиджак, который стоил двести баксов. Да хрен с ними, с баксами. Он плюнул в спину ему, Максиму Воронову. Какой-то недомерок с кривой рожей плюнул в него!

Подрагивая от гнева, Максим медленно обернулся.

– Ну, все, мужик, ты покойник, – сухо проговорил он и, угрожающе набычив голову, двинулся на недомерка.

Вопреки ожиданию Максима незнакомец и не подумал отступить. Он ждал приближения Максима спокойно, как ждут, пока проедет машина, чтобы перейти через дорогу. На губах незнакомца поигрывала усмешка. Можно было предположить, что низкорослый наглец не прочь вступить в драку, но он даже кулаки не сжал. И это взбесило Максима еще больше. «За кого он меня принимает?» – пронеслось у него в голове.

Тут необходимо кое-что разъяснить. Дело в том, что Максим Воронов был когда-то чемпионом района по боксу. Соревнования были юношеские, да и минуло с тех пор лет двенадцать, но Воронов до сих пор считал себя неплохим бойцом. Например, однажды он сумел нокаутировать двух хулиганов, которые сделали опрометчивую попытку проинспектировать его бумажник возле пивбара. Хватило двух ударов, чтобы положить противников на асфальт (Максим не удержался, чтобы самому не проинспектировать их карманы, и в итоге разжился парой тысяч, которые и экспроприировал – «за моральный ущерб»).

Но этот странный незнакомец не был похож на уличных хулиганов. Он просто стоял и ждал. Максим надвигался на незнакомца медленно и твердо, сжимая по пути кулаки и не пытаясь скрыть своих намерений.

Мужик, по-прежнему ухмыляясь, сунул правую руку в карман.

Максим уловил это движение и взял правую руку незнакомца на заметку.

Наконец они сошлись вплотную. И тут произошло нечто непредвиденное. Правая рука незнакомца, с которой не спускал глаз Максим, так и осталась в кармане, зато с левой произошла мгновенная метаморфоза: незнакомец резко выбросил ее вперед, и в грудь Максиму уткнулось узкое лезвие ножа. Откуда взялся нож – одному Богу известно. Или (что вернее) дьяволу.

Максим остановился как вкопанный, слегка отведенное назад для удара плечо застыло, словно оцепенело. Максим во все глаза смотрел на лезвие ножа.

– Оп-па! – проговорил наглец и тихо засмеялся.

Максим перевел взгляд с ножа на лицо незнакомца.

– Какого черта? – спросил он дрогнувшим голосом. – Чего тебе надо?

Незнакомец перестал смеяться.

– Чего мне надо? – тихо переспросил он.

– Да. Чего ты хочешь?

– Хочу посмотреть, какого цвета у тебя кишки, фраерок. Хочу выпотрошить тебя, как курицу.

– Но... зачем? – недоуменно и испуганно спросил Максим. – Тебе нужны деньги?

Незнакомец насторожился.

– А у тебя есть? – недоверчиво поинтересовался он.

Максим сглотнул слюну и ответил:

– Немного.

– Сколько?

– С собой рублей... пятьсот.

Незнакомец нагло усмехнулся:

– Не густо. Как же ты платишь за своих баб, если ходишь с пустым кошельком? Хотя, пардон, кажется это они за тебя платят. Ты ведь альфонс?

– Э-э-э... Я...

– Чего ты блеешь, как овца? Отвечай, как мужик. Альфонс или нет?

Максим покосился на мерцающее лезвие ножа и промямлил:

– Я, собственно, не совсем понимаю, какой смысл вы вкладываете в это...

– Ну, ты тупой, – дернул щекой незнакомец. – Платят за тебя бабы в кабаках?

– Случается. Но я бы не сказал, что это норма, потому что...

– Закрой, – небрежно приказал незнакомец.

– Что? – не понял Максим.

– Рот закрой, – насмешливо ответил незнакомец. – Утомил. А теперь слушай меня внимательно, псуюк. Видишь вон ту машину? – Он кивнул через плечо на одиноко стоявшую у бордюра черную «мазду». – Видишь или нет?

Максим прищурился и кивнул:

– Да.

– Чего да?

– В-вижу.

– Молодец. Топай туда. Только потихоньку. Имей в виду: если что, я церемониться не буду. Чирк – и все.

За время разговора Максим успел прийти в себя. Он слегка приосанился, на лице его появилось выражение оскорбленной гордости.

– А если не пойду? – с вызовом произнес Максим. – Ты что, зарежешь меня? Прямо во дворе?

– Ты в этом сомневаешься?

Максим вспомнил, что с подобными субъектами нужно вести себя уверенно, как с собаками, выдал из себя усмешку и сказал:

– Убери нож, парень. Тут полно людей. Тебя наверняка видели. Твою рожу раз увидишь – не забудешь, с закрытыми глазами нарисуешь.

Вместо ответа незнакомец вдруг дернул рукой. Максим вскрикнул и отпрянул, схватившись рукой за порезанную щеку. Между его пальцев текла кровь.

– Ты что, сука, делаешь? – страдальчески простонал он.

Удар ногой в пах заставил Максима взвыть и согнуться пополам.

– Это тебе за суку, – пояснил незнакомец. – Хочешь еще?

– Ты меня порезал... – почти плача простонал Максим. – Я весь в крови.

– Ничего с тобой не случится, фраерок. В машине есть пластырь. Заклеишь, чтобы не испоганить салон. Топай к машине. Ну!

На этот раз Максим подчинился. Его рука, прижатая к щеке, была испачкана кровью, но не сильно; судя по всему, порез был не слишком глубокий.

– Ты меня изуродовал, – плакал, шагая к «мазде», Максим.

– Шрамы украшают мужчину, – возразил незнакомец. – А будешь скулить, я тебе еще больше вывеску попорчу.

13

Наконец Максим остановился возле машины.

– Обожди малек, – сказал незнакомец.

Он переложил нож в другую руку, достал из кармана грязный платок и протянул его раненому.

– Прижми к роже. Капает еще.

Максим посмотрел на платок и поморщился:

– Он грязный.

– Ничего, ты тоже не чистый. Держи, говорю! Или тебе вторую долю раскроить?

Максим взял платок и прижал его к окровавленной щеке.

– Не капает? – деловито осведомился бандит.

Максим всхлипнул и ответил:

– Нет.

Бандит кивнул, затем легонько стукнул костяшками пальцев по тонированному стеклу «мазды». Стекло с тихим жужжанием опустилось.

– Вот, – сказал бандит мужчине, который сидел в салоне. – Привел тебе твоего архаровца. Впустишь?

– Пусть садится на заднее сиденье. Сам сядешь рядом с ним.

Бандит открыл дверцу, запихнул Максима в салон, затем забрался сам. Человек, сидевший на водительском кресле, обернулся. У него было узкое, смуглое лицо и раскосые, как у калмыка, глаза. Он мельком глянул на Максима, перевел взгляд на бандита и сухо спросил:

– Что у него с лицом?

– Поцарапался, – насмешливо ответил тот.

– Не хотел идти?

– Угу.

Узкоглазый кивнул и перевел взгляд на Максима.

– Извините, забыл представиться, – спокойно сказал он. – Меня зовут Андрей Маратович. А вас – Максим Воронов, не так ли?

Максим всхлипнул, скривил губы и обиженно ответил:

– Я вас не знаю.

– Теперь знаете, – возразил узкоглазый. – Надеюсь, вы в состоянии внимательно слушать?

Максим промолчал. Тогда бандит толкнул его локтем в бок и грубо сказал:

– Отвечай, тварь, когда с тобой солидный человек разговаривает.

Максим скривился от боли и жалобно попросил узкоглазого:

– Скажите ему, чтоб он меня не трогал.

– Гиря, не трогай его, – сказал бандиту узкоглазый.

Тот ощерил рот в усмешке:

– Будет хорошо себя вести – не трону. А будет плохо... – Он качнул перед носом у Максима лезвием ножа.

– Ну-ну, – осадил его узкоглазый. – Не слишком размахивай ножом, а то кого-нибудь поранишь. А вы, Максим, не обращайтесь на Гирию внимания. Он вас не убьет. По крайней мере, пока я его об этом не попрошу, – добавил без тени усмешки узкоглазый. – Итак, вы готовы побеседовать?

– Готов, – промямлил Максим.

– Отлично. – Андрей Маратович облизнул кончиком языка узкие губы и заговорил снова:

– Я знаю, что вы пытались шантажировать одного известного человека. Сфотографировали

его во время любовных утех и теперь угрожаете отдать снимки газетчикам. Вспомнили, о ком я говорю?

Максим страдальчески сморщился.

– Вы имя назовите, – попросил он.

Андрей Маратович несколько секунд сверлил Максима глазами, затем вдруг кивнул и усмехнулся:

– Ах вот оно что. Я вижу, у вас это дело поставлено на поток. А я-то думал, почему всего десять тысяч? Ведь вы могли попросить в три раза больше.

– Я не жадный, – слабо проговорил Максим.

– Правильно, – сказал узкоглазый. – С миру по нитке – голому рубашка. Кто будет подымать бузу ради десяти косарей? Но тут, уважаемый Максим, вы просчитались. Человек, о котором я говорю, не просто бизнесмен. И отчитывается он не только перед собственной женой. Он политик, а это, согласитесь, особая статья.

В глазах Максима мелькнуло понимание.

– Вон вы о ком, – облегченно вздохнул он. – О Мохове.

– О нем, – кивнул Андрей Маратович. – Видите ли, Виктор Олегович – мой ближайший друг. И с моей стороны было бы полным свинством не помочь ему в беде.

– И мой тоже, – подал реплику Гирия. – Олегович – человек. Я любому пасть за него порву.

– Вот видите, – абсолютно серьезно произнес Андрей Маратович. – Народ его любит. И если вы идете против Мохова, значит, вы идете против народа. Вы ведь не хотите идти против народа?

– Не хочу, – слабо проблеял Максим.

– Вот и хорошо. – Андрей Маратович прищурил и без того узкие глаза и вдруг резко спросил: – Где негативы?

– Нега... – Максим сглотнул слюну и наморщил лоб, пытаясь сообразить. – Они у меня... в квартире.

– Вы уверены?

– Да. Лежат в ящике стола.

– В нижнем или верхнем?

– В верх... то есть в нижнем.

Андрей Маратович удовлетворенно кивнул.

– Отдайте ключи от квартиры Гире, – сказал он. – Он сходит и заберет негативы. А мы с вами подождем в машине. Вы не против?

– Я? – Максим опасливо покосился на сидящего рядом бандита. Тот дружелюбно ему улыбнулся. Максим вздохнул и потянулся рукой к карману.

– Только без глупостей, – предупредил Андрей Маратович.

Предупреждение было излишним. У Максима в кармане не было оружия. А если бы было, он бы все равно не решился им воспользоваться. Обычно Максим постоянно носил с собой короткоствольный «Удар», заряженный газовыми мини-баллонами. Но сегодня утром, как назло, оставил его дома. А может, не назло? Может, правильно сделал, что оставил? Мужики-то вроде серьезные. С этими лучше не шутить. И не столько из-за этого мордатого уголовника (с уголовниками Максим общался и раньше и более-менее знал, чего от них ожидать), сколько из-за второго – узкоглазого. Было в его лице что-то такое... изуверское, что ли. Даром что интеллигентный. Такой оторвет тебе руку и будет спокойно наблюдать, как ты корчишься от боли. Как ребенок, который отрывает бабочкам крылья из простого любопытства и не чувствует при этом никаких угрызений совести.

С этими невеселыми мыслями Максим достал из кармана ключи и передал их бандиту.

– Благодарствую, – сказал тот и взялся за ручку замка.

– Только умоляю вас – аккуратнее, – жалобно попросил Максим. – Там у входа в гостиную, на тумбочке, дорогая ваза.

– Не скули, фраерок, вазу не трону.

Бандит выбрался из машины.

– Ну вот, – сказал Андрей Маратович, по-прежнему сидя к Максиму спиной. – Теперь мы одни. Смотрите на мой затылок? Хотите угадаю, о чем вы думаете? «Вдарить бы ему сейчас по темечку да смыться».

Максим отвел взгляд. Ничего подобного он не думал, поскольку еще несколько минут назад решил не спорить с узкоглазым. Как говорится, себе дороже.

Андрей Маратович обернулся и закинул локоть на спинку сиденья.

– Кто снимал? – спокойно спросил он.

– В смысле... фотографии?

– Именно.

– Я сам.

– Кто еще в этом деле? Администратор?

– Э-э-э... – Максим хотел было соврать, но не смог. Глядя в эти раскосые, неподвижные глаза, абсолютно невозможно было врать. Максим кивнул: – Да. И еще горничная.

– Татьяна тоже в деле?

– Да. Собственно... она это и предложила, – проямлил Максим. Не специально проямлил, как-то само собой получилось.

– Значит, сама? – прищурился Андрей Маратович.

– Сама, – снова кивнул Максим. – Она сказала, что Мохов боится скандала и заплатит. Я ее отговаривал. Говорил, что Виктор Олегович не из тех, кто платит. И что его нельзя трогать. Но она... она стояла на своем.

– Ясно. Ты с ней спишь?

– Э-э-э...

– Ладно, не отвечай. Сам знаю, что спишь. – Узкоглазый цинично усмехнулся. – С ней кто только не спал. Она и взвод солдат выдержит, не поморщится.

Максим вымучил из себя улыбку:

– Она такая...

– Что? – вздернулся Андрей Маратович.

– Я говорю... вы правильно подметили. Танька взвод солдат...

– Заткнись! – неожиданно рявкнул узкоглазый. – Что ты понимаешь, подстилка? Не суди о людях по себе, понял?

На лице Максима, несмотря на опасность и двусмысленность ситуации, снова появилось обиженное выражение.

– Но ведь вы сами... – начал было он, но Андрей Маратович не дал ему договорить.

– Ты и ногтя ее не стоишь, – с непонятной ненавистью произнес он. – Ты тля. Паразит. Ленточный червь. А она пытается хоть как-то наладить свою жизнь. Где вы познакомились?

– В клубе, – сдавленно ответил Максим. – Я угостил ее коктейлем.

– Ты цепляешь девчонок у барной стойки?

– Иногда да.

Андрей Маратович дернул уголками губ и неприязненно процедил сквозь зубы:

– Ухарь. Такой же ублюдок, как ты, обрюхатил мою старшую сестру. И что бабы находят в таких, как ты? Ни мозгов, ни смелости. Одна только смазливая рожа, да и та противная. Ну, скажи мне.

– Я... не знаю, – пробубнил Максим.

– Не знаешь, но пользуешься? – Узкоглазый хмыкнул. – Да ты у нас талант. Талант, а?

– Не знаю... Наверное. – Стараясь примоститься поудобнее, Максим слишком плотно прижал платок к покалеченной щеке и поморщился. – Если у человека что-то получается, значит, у него есть талант, – с неожиданным упрямством в голосе произнес он.

– Ты еще и рассуждать умеешь, – глухо проговорил Андрей Маратович. – Выходит, смазливая физиономия – не единственное твое достояние? У тебя, наверно, и тело красивое. Ты качаешься?

– Хожу в спортзал три раза в день, – не без гордости ответил Максим.

– И драться умеешь?

– Занимался когда-то боксом.

– Хм. Спорим, я тебя уложу? – В узких глазах Андрея Маратовича замерцал тусклый огонек. – Ставлю сотню баксов, что я тебя уложу.

В лицах обоих мужчин появилось что-то мальчишеское.

– Один на один? – уточнил Максим.

– Один на один!

– И без оружия?

– Абсолютно!

Максим посмотрел на худую шею узкоглазого, на его острые плечи и покачал головой:

– Сомневаюсь.

– Почему?

– У нас с вами разные весовые категории. Я килограмм на десять тяжелее. И еще – у меня нокаутирующий удар с правой.

– Хочешь сказать, что ты отправишь меня в нокаут?

– Если один на один и без оружия...

– Сто баксов! – В руке у Андрея Маратовича откуда ни возьмись появилась стодолларовая бумажка. – Сможешь меня уложить – они твои.

Максим весь подался вперед, забыв даже про порезанное лицо:

– Идет. – Внезапно он одумался и снова обмяк. – Но... я не хочу с вами драться.

– Почему?

– Не хочу, и все.

– Испугался?

– Считайте, что да.

Андрей Маратович закусил губу и прищурил глаза так, что они превратились в две черные зловещие щели. Он вдруг повернулся к лобовому стеклу и завел мотор. Максим посмотрел на дверь подъезда, думая, что узкоглазый увидел возвращающегося Гирию. Но там никого не было.

Машина резко тронулась с места. Максим вздрогнул и перевел взгляд на Андрея Маратовича.

– Куда мы едем? – растерянно спросил он.

Узкоглазый ничего не ответил. Машина вывернула со двора и стала набирать скорость.

– Мы не будем ждать вашего приятеля? – снова, с тревогой в голосе, спросил Максим.

Ответа и на этот раз не последовало.

14

Минут десять они ехали по городу, затем машина вдруг притормозила и свернула с трассы на асфальтовую аллею. Прогнав машину по аллее метров пятьсот, Андрей Маратович снова повернул. Теперь они оказались на посыпанной гравием дорожке рядом с небольшим прудом, огороженным бетонным парапетом.

Машина остановилась.

– Вылезай, – коротко приказал Андрей Маратович.

Максим посмотрел на пруд и поежился. На улице почти совсем стемнело.

– Куда это мы приехали? – с опаской спросил Максим.

– Куда надо. Вываливайся из машины, если не хочешь, чтобы я тебя за волосы вытащил.

Голос узкоглазого звучал спокойно, без всякой угрозы, но Максим посчитал нужным повиноваться. Он выбрался из «мазды», вдохнул свежий воздух улицы и стал переминаться с ноги на ногу, разгоняя кровь по затекшим ступням.

Андрей Маратович выбрался вслед за ним. Он захлопнул дверцу и встал напротив Максима. Некоторое время они молча разглядывали друг друга, и с каждой секундой взгляд Максима становился все увереннее и увереннее. Его противник уступал ему как в росте, так и в ширине плеч. Порезанная щека напоминала о себе пульсирующей, жаркой болью, но Максим почти не обращал на нее внимания. Оставшись один на один с врагом, он снова превратился в мужчину. Первым заговорил Андрей Маратович.

– Ну, что? – тихо и угрюмо сказал он. – Ты готов?

– К чему? – поднял бровь Максим.

– Кажется, ты хотел заработать сто баксов, – так же тихо произнес узкоглазый.

Максим усмехнулся. Глотнув свежего воздуха, он полностью овладел собой и теперь выглядел не испуганным щенком, как полчаса назад, а вальяжным хозяином жизни.

– Ты хочешь драться? – спросил Максим.

Узкоглазый кивнул:

– Да.

– Что ж... – Максим повел могучими плечами. – Сколько ты там поставил? Сто баксов? – Он поднял левую руку и показал безымянный палец, на котором поблескивал платиновое кольцо. – Ставлю это кольцо, – сказал он грубым голосом. – Против твоих ста баксов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.